

Р Б У И,

239 $\frac{3}{160}$

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

ВЪ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

бывшемъ 17 Генваря 1812 года.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,

Въ Университетской Типографіи,

1812 года.

I.

О физическомъ воспитаніи дѣтей, и о вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ.

Свершилось седмилѣтіе сего ИМПЕРАТОРСКАГО Университета въ сей день! Не только въ сей единъ, но во вся дни, въ родъ и родъ, да благословиися высокое Имя просвѣпителя Россіи, основателя сего святилища наукъ, АЛЕКСАНДРА I. Въ умиленіи духа восходя на сіе возвышенное поприще встрѣчаю дѣло по сердцу каждаго сына Россіи, дѣло благоговѣнія, глубочайшей преданности и чистѣйшихъ желаній, отъ глубины сердца возносимыхъ къ Творцу вселенныя, да, ко благу опечества и сего храма наукъ, продлитъ драгоценную жизнь АВГУСТѢЙШАГО МОНАРХА!

Высокопочтенныге Посѣтители!

Участіе пріемлемое вами въ торжественномъ воспоминаніи эпохи столь важной для Россіи, современной и потомственной, есть убѣдительное доказательство любви и расположенія вашего къ наукамъ — Что самое даетъ мнѣ случай представить вниманію вашему краткое разсужденіе:

О физическомъ воспитаніи дѣтей, и о вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ.

Физическое воспитаніе дѣтей есть наука сохраняющъ здравость ихъ и удаляющъ вредности нарушающія оную.

Достиженіе предмѣловъ сихъ почти не пребудетъ ничего, кромѣ извѣстной мѣры вещей, служащихъ къ продол-

женію жизни. — Почпо скорбимъ и сѣпуюемъ о потерѣ чадѣ, ежели попеченія наши не проспирались далѣе того, чтобѣ дитя наше возраспало подѣ купленнымъ присмотрѣмъ? ежели физическія вредности, самыя губительнѣйшія, не занимали бдишельности нашу?

Теплота и свѣтъ,
Пища и питье,
Движеніе и сонъ,
Душевные упражненія и спраспи,
Воздухъ и лѣкарства:

вопѣ все по, что перебуемъ вящшаго вниманія нашего при воспитаніи дѣтей.

Время и обширность предмѣтовъ не позволитѣ войти въ подробное разсмотрѣніе оныхъ. Замѣшимъ въ крапцѣ, какъ должно сѣ ними обходиться, и гдѣ средства сіи упопребляются не надлежащимъ образомъ.

Разсмотримъ во первыхъ теплоту и дѣйствіе ея на тѣло наше. — Особенное теплотворное вещество еспѣ причина ощущенія теплоты. Необитаемость полярныхъ странъ, и смерть испаевающихъ отъ холода, доказываютъ, сколь она необходима для существованія чловѣка; не она ли еспѣ важнѣйшая причина возвращенія тѣлъ животноныхъ и прозябаемыхъ, когда въ теплыхъ странахъ животноныя и растѣнія того же вида больше, плотнѣе, крѣпче, многочисленнѣе и въ самомъ холодномъ климатѣ могутъ жить посредствомъ искусственной теплоты?

Незнаніе и невниманіе наше къ дѣйствію ея причиною, что мы обходимся сѣ нею какъ сѣ вещью обыкновенною, маловажною, и вниманіе заслуживающею только тогда, какъ

чувствуемъ непріятность холода. — Польза теплоты весьма обширна, и состоить въ слѣдующемъ:

1. Сильное, и въ извѣстной мѣрѣ, пріятное раздраженіе нервовъ.
2. Высокій, стройный ростъ и плотность тѣла.
3. Крѣпость и здравость сложенія.
4. Изобиліе и доброкачественность крови и соковъ.
5. Легкость и удобство движеній въ тѣлѣ.
6. Образование пучныхъ и плотныхъ частей.
7. Удобство процессовъ химическихъ въ организмѣ.
8. Отверженіе опъ другихъ раздраженій и спиртныхъ напитковъ.
9. Способность къ высокимъ напряженіямъ души.
10. Живость и пріятное расположеніе духа, образованіе чувствительнаго характера.

Чѣмъ можно купить столько преимуществъ? но и чѣмъ менѣе мы занимаемся? Кто спроситъ наши дома, каминны, опъ кого зависятъ мѣры противу угара, сколько убивственнаго? — Елико удѣлъ слугъ и людей неимѣющихъ ни свѣденій ни попечительности! почему же? мы сами еще продолжаемъ обращаться съ теплою, какъ съ вещію чуждою и несуществующею для насъ; — и такъ, какова должна быть теплота? Въ комнатахъ для новорожденного привыкшаго къ температурѣ 32 градусовъ, не испытывающего переменъ ея, она должна быть не менѣе 20 градусовъ. — Остатокъ дополняется одѣяніемъ; — исподоволь дѣти привыкаютъ къ переменамъ теплоты, и въ юношескомъ возрастѣ безопасно подвергаются холоду, потому, что возбуждаемость уменьшается возрастомъ до такой степени, что

повинуется меньшимъ раздраженіямъ. Надобно прибавить, что тогда находится уже способность къ принятію другихъ раздраженій: какъ по тѣлодвиженія, спраспей и занятій душевныхъ.

Не всякому ли извѣстно, что послѣ сыпнаго обѣда, при тѣлодвиженіи, пріятномъ расположеніи души холодъ почти неощутимеленъ? Карлъ XII., одушевляемый слагою побѣдъ спалъ подъ плащемъ на такомъ холодѣ, отъ котораго умирали солдаты, нечувствовавшіе пріятнаго раздраженія славы и завоеваній.

Для взрослого вообще не требуется болѣе 15 градусоѡ теплоты.

Не довольно знать въ какомъ степени должна быть теплота, потребно еще замѣтить, что соблюденіе ея, сколько можно въ одинакой степени, есть столь важно, что едва ли не отъ сей одной причины зависитъ большая часть сохраненія здравія и жизни.

Переменная скоропостижная теплота, вреднѣйшая самаго холода, случается двоякимъ образомъ, и производитъ два различныя измѣненія въ тѣлѣ:

а. Отъ переменны холода на теплоту спеническія.

б. Отъ переменны теплоты на холодъ аспеническія болѣзни слѣдуютъ: ибо умѣренная теплота послѣ сильнаго холода дѣйствуетъ какъ чрезмѣрное раздраженіе, а посредственной холодъ послѣ сильной теплоты дѣйствуетъ какъ величайшій недостатокъ раздраженія. Вредность опсюду рождающаяся находится въ прямомъ содержаніи къ разности температуры. —

Никогда не должно обманываться тѣмъ, что переменна теплоты была безвредна въ одномъ изъ многихъ случаевъ. —

По сему весьма вредно:

а. Купать младенцовъ и дѣтей въ холодной водѣ, легко одѣвать ихъ зимою, и приучать къ холоду, дабы уничтожить расположеніе къ простуднымъ болѣзнямъ.

б. Вредно сидѣть у окошекъ, особливо открытыхъ, и послѣ холода грѣться у печекъ.

Безъ крайней надобности и осторожности не должно обнажать младенцовъ.

Съ матерією теплотворною великое сходство имѣетъ матерія свѣта, и обѣ они часто неразлучны и какъ бы соединены вмѣстѣ. —

Свѣтъ есть сильнѣйшее раздраженіе не только для глазъ, но и для всей нервной системы. Доказательствомъ сего служитъ уныніе и задумчивость лишенныхъ свѣта и зрѣнія. —

Взгляните на распѣнія лишенные свѣта! въ нихъ нѣтъ цвѣтнаго, маслянаго, ароматическаго начала, и древесной матеріи. Посмотрите на людей живущихъ въ темнотѣ! Блѣдность, худосочіе и слабоуміе отличаютъ ихъ. Но гдѣ лучезарное свѣтило ежедневно лѣтитъ живописный свѣтъ свой, тамъ люди имѣютъ крѣпкое тѣло, темный цвѣтъ кожи и волосъ, избытокъ плотныхъ и масляныхъ частей. — Всѣ дѣти рождаются одинакаго краснаго цвѣта, которой у Арабовъ перемѣняется въ черный, у жидовъ сѣвера въ бѣлый. Разность измѣненія сего происходитъ отъ свѣта и теплоты.

Свѣтъ имѣетъ

а. Величайшее вліяніе на химическія процессы, въ тѣлѣ животныхъ и растеній, и

б. Изъ послѣднихъ при солнечномъ свѣтѣ отдѣляется кислоторной газъ, необходимый для дыханія животноныхъ.

При солнечномъ сіяніи умножается въ тѣлѣ бодрость, крѣпость и пріятность, многіе животноные оказываютъ удовольствіе прыганьемъ, лѣпаньемъ, удареніемъ крыльевъ и пѣніемъ. Въ пасмурное время они издають унылый голосъ и какъ бы оплакивають пошерю свѣта. Путешественники и слабаго сложенія люди теряють бодрость въ ночное время, страхъ обуяетъ ихъ въ мѣстѣ совершенно безопасномъ, даже въ собственныхъ жилищахъ. Законодатели народовъ первыхъ временъ почтили солнце именемъ Божества. Оно дѣйствительно есть неоцѣненный даръ небесъ, вливающей въ существа природы жизнь и бытіе. Безсумнѣнія польза свѣта споль велика, что надобно почипать гнѣвомъ неба по время, когда зракъ сего величественнаго свѣтила скрывается отъ насъ.

Родители! не замѣчаете ли вы, что дѣти ваши художные и слабые зимою, получають румянность и живость въ лѣтнее время? По сему не опнимайте у нихъ свободы пользоваться благотворительнымъ дѣйствіемъ свѣта! Позвольте въ лѣтнее время ежедневно быть имъ нѣсколько часовъ на открытыхъ лугахъ! Какъ охотно они рѣзвятся и не чувствуютъ зноя! Обращайте вниманіе на жилища и дѣтскія комнаты, обращены ли они къ полдню, имѣють ли проспранныя окошки для вхожденія лучей солнца? — Я долженъ коснуться наконецъ мнимаго вреда, несправедливо приписываемаго дѣйствію свѣта. Это есть косоглазость. — Сія порочность глазъ происходитъ отъ слабости мышцъ и есть слѣдствіе повсемѣстнаго разслабленія тѣла.

Свѣтотворная и теплотворная матерія непримѣтно, а другія матеріи явственнѣмъ образомъ поступаютъ и превращаются въ составъ нашего тѣла. Ели естъ пища и пипіе.

Откуда пипаніе, ростъ и благосочіе тѣла, ежели не отъ пищи? отъ чего бодрость, крѣпость и здравость тѣла, какъ не отъ раздраженія ею производимаго въ желудкѣ и нервахъ?

Но для достиженія цѣли сей потребно примѣчать:

1. Качество. 2. Количество пищи. —

Есть пища

а. Раздражающая и питающая, какова изъ свѣжихъ мясѣ дикихъ и домашнихъ птицъ и нѣкоторыхъ млекопитающихъ животныхъ.

Есть пища

б. слабораздражающая и малопитающая: каковы приготовленія изъ травъ, плодовъ, молока, рыбы, копченыхъ и соленыхъ мясѣ.

Хотя человекъ принадлежитъ къ плотояднымъ и правояднымъ животнымъ: но изъ царства животного есть лучшая для него пища — одни ароматическія части растѣній раздражаютъ желудокъ и поному употребляются съ мясною пищею, особливо для людей слабыхъ. Употребленіе сырыхъ плодовъ вовсе запрещенъ должно. Они не доставляютъ никакого пипанія тѣлу.

Взрослый человекъ не принимаетъ пищи болѣе двухъ разѣ въ день, и каждый разѣ не болѣе трехъ фунтовъ. Дѣти ѣдятъ чаще и немного —

Общая пища младенцовъ есть молоко; но при одной сей вредно оспавлять ихъ на долгое время. Обратимъ вниманіе на слѣдующее.

а. Родъ человѣческій и кормленіе молокомъ получили начало свое въ жаркомъ климатѣ, гдѣ нѣжная и слабая пища прилична. —

б. Употребленіе молока прилично лѣтомъ и въ холодныхъ климатахъ. —

с. Дѣти спановаятся крѣпче, начиная другую и оспавя молочную пищу.

д. Изнемогаютъ и умираютъ болѣе въ младенческомъ, чѣмъ въ другихъ возрастахъ.

Весьма кажется несправедливымъ предпочипать жидкое молоко густому; одно масло и пворогъ соспавляютъ пипапельность молока.

Отъ жидкаго молока дитя изнемогаетъ по двумъ причинамъ.

а. Отъ недостатка пипанія чахнетъ.

б. Отъ недостатка раздраженія получаетъ слабость, боль, корчи и смертъ.

Въ отпроческомъ и юношескомъ возрастѣ употребленіе вареньевъ и плодовъ не позволипельно; раслабленіе желудка и порча зубовъ есть одна награда сихъ лакомствъ.

Преимущество мясной пищи доказывается шѣмъ:

1. Чпо потъ народъ полно и здраво соченъ, плотенъ и высокъ ростомъ, гдѣ скоповодство — и обиліе мясной пищи.

2. Вышшіе классы гражданъ, пользующіеся изобильнымъ споломъ, здоровѣе и добросочнѣе простаго народа.

3. Всегда бодрѣе и крѣпче бывають въ тѣ дни, когда употребляютъ мясную пищу; попому что она доставляетъ готовую маперію для питанія тѣла нашего, между тѣмъ какъ пища изъ царства распыннѣе пребуетъ времени для претворенія въ маперію живопннуую.

Неразлучно съ пищею есть пипіе. — Одно вино и медъ приготовленный съ ароматами раздражаютъ; вода, чай, кофе, пиво, кислая и сладкія жидкости, расслабляютъ желудокъ.

Дѣтямъ, особенно слабымъ, должно давать по немногу вина. Водянистыя и кислая пипья запрещаются. вмѣсто чаю и кофею чашка супу съ бѣлымъ хлѣбомъ весьма прилична. Весьма вредно пить холодное при горячихъ кушаньяхъ. — Отсюда раждается проспуда желудка, прещины и гниль зубовъ. Время для питія назначается жаждою, но самая жажда не означаетъ рода пипья. — Часпо аспеническую жажду утоляютъ водою и кислымъ пипіемъ; также какъ спеническую послѣ сытнаго обѣда утоляютъ виномъ. Ето совершенно вопреки правилъ и во вредъ здоровья. Есть люди, кои пьютъ весьма часпо и много по одной привычкѣ, иные пьютъ весьма мало. Въ самомъ дѣлѣ весьма рѣдко настопитъ нужда въ пипьяхъ; ибо мы обыкновенно принимаемъ жидкую пищу.

Прохладительныя пипія приличны лѣтомъ, а горячительныя зимою и осенью.

Слѣдуетъ теперь самое лучшее раздраженіе и предохранительное средство пропиву болѣзни и слабости! Ето тѣлодвиженіе, доставляющее вмѣстѣ и привычку къ дѣятельной жизни, полико нужную для государственной службы

и преодоленія всякихъ трудностей; Здоровыя дѣти охотно предаются тѣлодвиженію даже до излишества. Предмѣтъ занятія ихъ долженъ быть пріятенъ, иначе скука и упоминеніе скоро послѣдуютъ.

Дѣти крѣпче и здоровѣе, чѣмъ болѣе занимаються тѣлодвиженіемъ. Лучшее время для сего есть лѣтомъ въ пріятную погоду, на открытомъ воздухѣ и на лугахъ.

Тѣлодвиженіе есть двоякое:

а. Спонтанное, когда тѣло приводится въ движеніе постороннею силою, на прим. прогулка въ экипажѣ, качаніе и прѣднѣ тѣла.

б. Дѣйствительное, зависящее отъ собственныхъ силъ, на пр. хожденіе, бѣганье, танцованье, работа, борьба и гимнастическія упражненія.

Послѣднее изъ сихъ прилично крѣпкимъ, а первое слабымъ дѣтямъ.

Въ младенческомъ возрастѣ одно спонтанное тѣлодвиженіе имѣетъ мѣсто, и оно однакожъ должно быть всегда легко и безъ сильныхъ потрясеній.

Какая польза тѣлодвиженія?

а. Укрѣпленіе и проворство движеній мышечной системы.

б. Надлежащее образованіе крови.

с. Умноженное отдѣленіе теплоты въ наружной системѣ тѣла.

д. Пріятное развлеченіе и занятіе души. Не видимъ ли, что глубокомысленныя размышленія удобнѣе совершаются въ движеніи?

Аѳины имѣли для тѣлодвиженія гимназіи, посѣщаемыя ежедневно молодыми людьми, коихъ приутопляли для ве-

ликихъ намѣреній республики. Греція воспитывала и зрѣла непобѣдимыхъ героевъ, полководцевъ и воиновъ. Гимнастическимъ упражненіямъ обязаны они крѣпостию и мужествомъ.

Съ тѣлодвиженіемъ весьма натурально соединяется успокоеніе тѣла и души, что мы называемъ сонъ; сіе единое утѣшеніе и блаженство въ душевной горести, есть необходимое дѣйствіе раздраженій на тѣло и душу дѣйствовавшихъ въ продолженіе дня. Сонъ долженъ быть ни излишній, ни недостаточный. Продолженіе сна для взрослого полагается вообще отъ 6 до 8 часовъ. Дѣти спятъ часно но недолго. Впрочемъ сонъ измѣряется не временемъ, но вознагражденіемъ силъ.

Дѣтямъ не должно спать иначе, какъ послѣ нѣкотораго утомленія. Не хорошо усыплять плачущихъ. Неприятность ощущенія сдѣлаетъ сонъ безвременный и безпокойный. Занимая однолѣпнее дѣля приличными предметами можно приучить спать рѣже и въ свое время.

Сонъ продолжицельнѣе зимою и въ пасмурное время отъ недостатка свѣта и теплоты.

Бессонница рождается 1. Отъ сильныхъ раздраженій наводящихъ ложную. — 2. отъ слабыхъ раздраженій, приносящихъ истинную слабость. Пѣніе, унылая музыка, легкой шумъ склоняютъ ко сну. Тѣлодвиженіе, пріятная идея, свѣтъ и веселая музыка, удаляютъ сонъ. —

Диета, тѣлодвиженіе, упражненіе чувствъ и души доставятъ хороший сонъ дѣтямъ и взрослымъ.

Сновидѣнія зависятъ отъ раздраженій находящихся въ какой либо части тѣла. — на пр. въ желудкѣ, кровеносной,

и нервной системѣ. По сему сновидѣнія обыкновенны послѣ вредной пищи, въ огневицахъ, горячкахъ, и душевныхъ страстяхъ.

Во снѣ прекращаются многія дѣйствія такъ, что сонъ по справедливости почитается образомъ смерти. Есть однако дѣйствія, продолжающіеся и во время сна. таково есть дыханіе, начинающееся вмѣстѣ съ жизнію.

Посредствомъ дыханія входитъ атмосферной воздухъ въ легкое, и часть его, именуемая кислоторвнымъ газомъ, проникаетъ кровеносные сосуды, соединяется съ кровію и служитъ раздраженіемъ для легкаго, сердца и всей кровеносной системы. — Кислоторвный газъ соединяется съ кровію, оставляетъ свою теплотворную матерію, которая сообщается крови и распространяясь по всей системѣ тѣла составляетъ теплоту онаго.

Отъ кислоторвнаго газа зависитъ,

- а. Раздраженіе и укрѣпленіе легкаго.
- б. Кровотвореніе и произведеніе красноты въ крови.
- в. Раздраженіе и дѣйствіе кровеносной системы.
- г. Произведеніе и продолженіе теплоты животной.
- е. Уменьшеніе угольнаго начала въ крови и приготовленіе онаго для образованія пука и животной студени.

Зеленныя части растѣній при солнечномъ свѣтѣ изобильно даютъ кислоторвъ нужный для дыханія. По сему полезно прогуливаться и жить тамъ, гдѣ много луговъ. По сему жители степныхъ мѣстъ имѣютъ румяноссть лица и добросочность въ тѣлѣ. Живущіе въ темнотѣ, сырости, среди лѣсовъ и болотъ, всегда худощавы, блѣдны, подвержены крохотканію и водянымъ болѣзнямъ.

Необходимо дѣтямъ позволять, ежедневно, нѣсколько часовъ, проводить на открытомъ и чистомъ воздухѣ. Къ сожалѣнію для нихъ опредѣляются комнаты тѣсныя, наполненные многолюдствомъ, испареніями нечистаго бѣлья и неопрятностей.

Среди таковыхъ плетворностей подпоры государственнаго зданія укрываются отъ глазъ врачебнаго благоустройства, пекущагося о народномъ сохраненіи.

Куреніе порошками и уксусомъ заглушаютъ нѣсколько непріятной запахъ ни мало непоправляя воздуха. Въ Англіи Смитъ, во Франціи Гипонъ Морво, сдѣлали въ наши времена спасительныя открытія поправляя воздухъ разрѣшеніемъ кислотъ и металлическихъ извѣстей. — Сей способъ куренія мгновенно уничтожаетъ всякую плетворность воздуха и самую заразу и доставляетъ много чистаго кислотофора.

Толь спасительному средству, неспоющему великихъ издержекъ, слѣдовало бы бытъ во всеобщемъ употребленіи!...

Приступимъ къ разсмотрѣнію дѣйствія, имѣющаго величайшее вліяніе на существованіе наше; дѣйствія, безъ котораго человекъ есть живой мерзвецъ.

Занятія души и страсти составляютъ благородство человека, подобіе божества и превосходство его надъ всѣми тварями.

Послѣ сильнаго чувствованія, размышленія и страстей слѣдуетъ утомленіе въ плѣхъ. Это показываетъ, что душевныя дѣйствія принадлежатъ къ сильнѣйшимъ раздраженіямъ.

Младенцы имѣютъ нѣкоторую степень упражненія чувствъ. Плѣняющія и ободряющія яркостію цвѣтовъ, при-

япностію музики и вкусомъ явствѣ. По сему нужна имъ музыка, благовонія, произведенія живописи и напурь. Сѣ сего времени и такимъ образомъ полагается образованіе по- нятій и душевныхъ способностей.

Сѣ 10 лѣтъ должно занимать дѣтей науками перебу- ющими памяти; а сѣ 15, умственныя науки имѣють мѣсто. Излишнее напряженіе души производитъ ложную слабость, также какъ и недоспапокъ онаго причиняетъ истинную.

Полеза упражненія чувствъ.

1. Осязанія.

Сіе чувство естъ обширнѣйшее и раздѣлено въ каждой часпи нашего тѣла болѣе или менѣе, такъ, что прочія чувства суть только измѣненія сего!

Осязаніе нѣжнаго раждаетъ пріятное ощущение въ душѣ. Чувство осязанія непопрясемое грубыми впечатлѣніями оспаеся нѣжнымъ: а въ женскомъ полѣ соединяется сѣ нѣжностію походки, движенія и дѣйствія мышцъ. Отсюду слѣдуетъ вкусъ къ нѣжности одѣяній и нѣжнаго обращенія.

2. Зрѣнія.

а) Усовершенствованіе и правильность зрѣнія.

б) Способность къ живописи.

с) Образованіе фізіономіи и правильности лица.

д) Образованіе вкуса къ прекрасному.

е. Пріятное раздраженіе нервовъ и разположеніе души къ удовольствію и благоприличію.

Греки обязаны превосходству зрѣнія совершенствомъ живописи и скульптуры.

Взглядъ на пріятной предмѣтъ приводитъ лице въ прі- ятное положеніе.

Сюда принадлежитъ вкусъ къ нарядамъ и соблюденію пріятной наружности. Наружность есть раздраженіе души. Взгляните на мушину, женщину, дитя и проч. одѣтыхъ опличнымъ образомъ! какая въ нихъ живость и ощущение сановитости! обратите взоръ вашъ на бѣднаго, вошедшаго въ блестящее собраніе! Онъ робѣетъ; уныніе и униженіе овладѣютъ имъ! — Вкусъ къ чистотѣ и нарядамъ образуетъ вкусъ къ превосходству и возвышенію. Благоприличіе и чистота одѣянія означаетъ вкусъ къ прекрасному.

3. С л у х а.

- а) Утонченіе и правильность слуха.
- б) Нѣжность чувствъ.
- в) Пріятное раздраженіе души.
- г) Удаленіе усмалости и непріятныхъ ощущений.
- е) Игра и пылкость воображенія, меланхолическое блаженство души.
- ф) Приобрѣтеніе вкуса къ пѣнію, музыкѣ и поэзіи.

4. О б о н я н і я.

- а) сильнѣйшее раздраженіе нервной системы даже въ пораженныхъ глубокимъ обморокомъ.
- б) Оживленіе и укрѣпленіе нервовъ и мозговыхъ дѣйствій.
- в) Благоволеніе ободряетъ, злоуханіе угнѣтаетъ дѣйствіе организма.

5. В к у с а.

- а) Чувство сіе образуется раньше, а попому и служитъ въ младенчествѣ для измѣренія прочихъ ощущений. Дитя приближаетъ ко рту вещь, которая кажется пріятною глазамъ.

б) Ни о какомъ чувствѣ не прилагаютъ столько попеченія, какъ о вкусѣ. Онъ есть главнѣйшее раздраженіе нервовъ; а потому болѣе вкусъ чѣмъ голодъ влечетъ къ принятію пищи. Неприятное вкусу производитъ перемѣны въ цѣломъ тѣлѣ.

Чувствительныя раздраженія были въ величайшемъ употребленіи у грековъ; опрыскиваніе одеждъ благовоніями, куреніе фиміамомъ и ароматами, пурпуровыя одѣянія, изящнѣйшія произведенія скульптуры, архипектуры и живописи, величественныя храмы, музыка, танцы, поэзія, гимны въ честь боговъ, лучшіе вина и ароматическіе яства, танцованье и гимнастическіе игры, нѣжность и чистота выговора, чего они требовали даже отъ кормилицъ: Поэзію почитали музыкою души, а незнаніе музыки пренебреженіемъ воспитанія.

Удовольствіе производимое чувствительными раздраженіями образуешь дѣйствіе души именуемое спрасію. Угнѣтающіе спраси происходятъ отъ недосыпнаго раздраженія.

Начало спрасей есть въ младенчествѣ и дѣтствѣ.

Разность оныхъ зависитъ:

1. — Отъ разности организма и степени раздраженія.
2. — Отъ примѣровъ и соображенія въ понятіи или слѣпаго подражанія.

Величайшая наука управлять спрасями, заслуживающая величайшее вниманіе въ нравственномъ воспитаніи дѣтей, можетъ сдѣлаться весьма легкою.

Ибо какъ дѣти имѣютъ о вещахъ темныя понятія, то весьма легко управлять спрасями ихъ! А представленіе однихъ пріятныхъ спрасей, произведетъ къ нимъ навѣкъ.

Спраспи суть спраданія души отъ ощущенія и представленія пріятности или непріятности.

Младенческій возрастъ почти чуждъ спраспей, какъ и понятій. Они оказываются посепенно и приходятъ въ зрѣлоспъ въ юношеспвѣ.

Спраспи суть:

1. — Пріятныя — : радость, надежда, любовь, соревнованіе,

2. — Непріятныя: Спрахъ печаль, гнѣвъ, ненависть, зависть и ревность.

Отъ разности организма и раздражимости происходитъ, что.

1. Иной больше расположенъ къ пріятнымъ, другой къ непріятнымъ спраспямъ.

2. Одинъ и тотъ же человекъ при разныхъ обстоятельствахъ болѣе расположенъ къ однимъ, чемъ къ другимъ спраспямъ и при томъ въ разной степени.

По сему расположенію одинъ и тотъ же предметъ въ одномъ производитъ одну, въ другомъ другую спраспъ. Твердый характеръ отмщаеиъ обиду и насмѣшку презрѣніемъ и смѣхомъ; слабодушный гнѣвомъ и мщеніемъ. Извѣстіе о нещастіи раждаетъ въ героѣ гнѣвъ, равнодушіе и сожалѣніе о врагѣ; въ малодушномъ печаль, спрахъ и ненависть къ виновнику злополучія.

Одна и та же спраспъ въ одномъ жива и одушевлена, въ другомъ безъ всякой выразишельности.

Обстоятельствва благопріятспвующія пріятнымъ спраспямъ суть:

а) Хорошее сложеніе и здоровое соспояніе тѣла.

б) Утро, день и пріятная погода.

с) Благопріятныя обсто́ятельства гражда́нственной жи́зни.

д) Воспита́ніе по правила́мъ благо́разуміа.

Изъ сего видно, почему слабые дѣти пасмурны и плаксивы, а особливо ночью, на холодѣ и при недостаткѣ какой либо потребности. Изъ сего такъ же изъяснить можно обвиненіе и извиненіе публики одного и того же поступка.

Дѣйствіе страстей.

1. Пріятныхъ.

а) Пріятное раздраженіе нервной, кровеносной и мышечной системы.

б) Благосочіе и обиліе крови.

с) пріятная фізіономія и веселой характеръ души.

Непріятныя страсти дѣйствуютъ противнымъ образомъ. Воздыханія въ печали происходятъ отъ слабости мышечной и нервной системы.

Худосочіе свойственно всѣмъ печальнымъ, какъ и непріятная фізіономія лишеннымъ пріятныхъ страстей.

Недостатокъ раздражающихъ или присутствіе непріятныхъ страстей ослабляетъ душевныя и тѣлесныя силы.

Непріятныя страсти уничтожаются пріятными. Посему плачущіе и оскорбленные дѣти легко успокоиваются.

а) представленіемъ пріятныхъ предмѣтовъ и подарковъ.

б) Ласкою матери и другихъ.

По сему худо поступаютъ тѣ, кои стараются успокоить огорченіе и плачъ дѣтей бранью, угрозами и наказаніемъ.

емѣ. Симѣ образомѣ только увеличится недостатковѣ раздраженія, и повсюду часто опниметѣ силу тѣла и характерѣ души. Въ подобномѣ воспитаніи дѣтей скрываются тайны страха вещей вовсе неопасныхѣ.

Слѣдовало бѣ теперь говорить о вліяніи лѣчебныхѣ средствѣ на болѣзненное состояніе тѣла нашего, но какѣ польза оныхѣ каждому изѣ опыта извѣстна, то я имѣю здѣсь случай упомянуть только о несправедливости мнѣнія, что дѣтскихѣ болѣзней лѣчить не должно. Скажу, что въ младенцѣ явленія болѣзни также видны, какѣ и въ другихѣ возрастахѣ и легче опредѣляются по причинѣ малочисленности вредностей имѣющихѣ вліяніе на дѣтей, Болѣзни приличныя возрасту ихѣ опредѣляются временемѣ и своими знаками.

Кѣ сохраненію здравія принадлежатѣ наконецѣ содержаніе тѣла въ чистотѣ, ежедневное омовеніе лица, рта, зубовѣ и другихѣ частей, частое перемѣненіе бѣлья и прочее.

Относительно малолѣтнихѣ дѣтей замѣтитѣ нужно и то, чтобѣ удалять отѣ нихѣ все то, что можетѣ порѣзать, уколѣть, ушибить, ожечь и тяжестію или ядовитостію своею вредѣ причинить. Полѣ въ комнатахѣ дѣтскихѣ долженѣ быть не твердой и постель не возвышенная. Пища не должна содержать большихѣ кусковѣ, косточекѣ, зеренѣ и ѣдкихѣ веществѣ.

Все сказанное о физическомѣ воспитаніи дѣтей относится равно до обоихѣ половѣ, съ тѣмѣ однако, что нравственное и физическое воспитаніе женскаго пола требуетѣ особеннаго вниманія, потому, что хорошее тѣло-сложеніе дѣтей весьма много, а нравственность несравненно болѣе за-

имспивуешся отъ матерей по непрерывному ихъ обращенію съ ними. Но сколь далеко отъ совершенства нынѣшнее воспитаніе женскаго пола! и недоспигнетъ онаго, пока не будетъ публичнымъ и на правилахъ основаннымъ. Я слышу тысячи голосовъ вопіющихъ пропіву сего мнѣнія и вопрошу, давно ли были времена, что дѣвицъ и женщинъ не позволялось казаться мужчинамъ? Добродѣтель ихъ подъ кровомъ рабства и неволи была ли безопаснѣе, чѣмъ въ наши времена, защищаемая свободою, честолубіемъ и благоразуміемъ. Безбрачіе, подрывъ народнаго размноженія не зависить ли отъ удаленія случаевъ пріобрѣсти уваженіе?

Супруги почтеннаго народа! Кто не позавидуетъ благополучію вашему, когда вы соединяли судьбу вашу съ предметомъ, который заслужилъ любовь и дружбу вашу не мгновенно, но соповариществуя вамъ въ публичныхъ играхъ, наукахъ, подвигахъ и воспитываясь въ одинакихъ съ вами мнѣніяхъ и желаніяхъ?.. —

Слѣдуетъ наконецъ замѣтить, что соблюденіе правилъ физическаго воспитанія доставляетъ неизчепныя выгоды.

Главнѣйшія изъ нихъ суть:

1. Совершенное и поспоянное здравіе.
2. Правильная и долговременная жизнь и непятгоспная старость.
3. Крѣпость тѣла и бодрость духа.
4. Гражданскія добродѣтели и опличія.

Приступимъ теперь къ рѣшенію предложенія о вліяніи воспитанія физическаго на нравспвенное и умспвенное.

Психологія доказываетъ, что два существа, тѣлесное и духовное, соспавляя человека имѣютъ вліяніе одно на

другое. Принявъ сіе за истинну не можемъ сомнѣваться въ томъ, что характеръ, способности и спраси чловѣка и цѣлаго народа зависятъ отъ физическаго воспитанія. Взглянемъ на организмъ поверженный физическими причинами въ болѣзненное состояніе! Не соединяется ли онъ съ измѣненіемъ способностей ума и самыхъ спрасей? — Больной мыслилъ ли такъ, какъ здоровый? — Чемъ сильнѣе болѣзнь, тѣмъ душевныя способности меньше. Недоспапокъ силъ тѣлесныхъ во всякомъ случаи сопровождается уменьшеніемъ способностей душевныхъ. Дѣйствіе спиртныхъ напитковъ на желудокъ не явственно ли измѣняетъ и разсприваетъ дарованія души? Пошперя зрѣнія награждается глубокомысліемъ, памятію и тонкостію слуха. Глухіе дѣлаются внимательны и по одному движенію губъ понимаютъ разговоръ. Отъ худаго устроенія и поврежденія головного черепа и отъ давленія мозга рождаются слабоуміе, безпамяпство, неразсудительность, бредъ, безчувственность и сонливоспъ. Отъ разности сложенія темпераменту и болѣзней зависятъ хладнокровіе и пылкоспъ; проспосердечіе и хипроспъ; Нѣжностъ и безчувспвенностъ. Съ возрастомъ перемѣняется сложеніе и темпераментъ, умъ и спраси. Пылкоспъ въ юности, хладнокровіе въ старости обыкновенно. Обитатели холодныхъ спранъ имѣютъ ли топъ пламень въ душѣ, какимъ ошличаются жители теплаго климата? — Лапландецъ имѣетъ не болѣе живоспи и ума, сколько обезьяна живущая въ жаркомъ климатѣ и называемая Саширомъ или Орангъ-Упангомъ. По наружному виду и пропорціи тѣла Лавашеръ, по выпуклостямъ черепа Галлъ, узнавали качества души и нравспвенности. Сократъ

и Аристиппъ утверждали, что пріяшныя раздраженія шѣла суть пружины души, которая благороднѣе дѣйствуетъ въ шѣлѣ благорасположенномъ, чѣмъ въ худосочномъ и чахломъ. Древніе Греки обязаны климату и физическому воспитанію добродѣтелями и дарованіями заслужившими удивленіе и подражаніе всѣхъ вѣковъ и народовъ. Глубокомысліе ихъ являється во множествѣ мнѣній и сектъ, въ искусствахъ и наукахъ. Греки почитали любовь верховнымъ блаженствомъ. Любовь ихъ была одушевленная. Но какой примѣръ любви даетъ намъ философъ Тразонидъ, влюбленный въ женщину и не желающій обладать ею? Для чего? — Дабы излишнимъ наслажденіемъ не уменьшилъ любви и почтенія къ обожаемому предмету. Какая добродѣтель заключается въ семъ поступкѣ?... — Анаксагоръ обвиненный въ безбожїи, скрывался уодной гражданки. Сія бывъ призвана въ судъ и вопрошена отвѣчала: я укрывала не пресупника, но благодарнаго. Если оскорбила шѣмъ законъ, то пресупленіе о мою кровію своею; но еслибъ я оказалась неблагодарною, то такое посрамленіе для Аѳинянъ было бы жесточе смерти. — Что сдѣлали судьи? — Изумились и оправдали. Защитникъ опечесства и побѣдитель заслуживаетъ признательность соопечесвенниковъ. Но герой въ изнеможеніи отъ ранъ, узнающій о побѣдѣ его надъ непріятелемъ и въ восторгѣ изрекающій послѣднія слова: Гдѣ могу лучше умереть, какъ не посреди торжества моихъ соопечесвенниковъ, есть герой одушевленный, — испоргающій почтеніе и любовь не только современниковъ, но и самого опдаленнаго попомства! —

Греки теперъ измѣнились; чалма бременитъ силу чувствидища ихъ и ущербленная луна, подъ которою они родятся, не даетъ имъ полного свѣта.

Видѣли мы возможность вліянія физическаго воспитанія на умственное и нравственное. Слѣдовало бы войти въ разсмотрѣніе гражданскихъ добродѣтелей, зависящихъ отъ него; но предмѣтъ сей оставляю до другаго времени.

Остается мнѣ душевно пожелать, чтобъ чада Россіи и воспитанники сего храма наукъ процвѣтали и преуспѣвали въ здравіи и просвѣщеніи! Это суть вѣрные спорушители добродѣтелей и благосостоянія гражданъ. —

Иванъ Каменскій.

II.

De la renaissance des lettres et de la prépondérance qu'elles ont donnée à l'Europe sur les autres parties de la terre.

Lorsqu'on réfléchit sur la destination de l'homme, sur ses facultés qui en sont la suite et sur les progrès continuels qu'il a par conséquent dû faire dans la civilisation, on s'étonne qu'il y ait encore tant de peuplades sauvages et de nations barbares. Pour se rendre compte d'un phénomène si surprenant, il faudrait pouvoir connaître les catastrophes diverses qu'a éprouvées le globe que nous habitons. Mais les lambeaux de l'histoire profane parvenus jusqu'à nous n'ont conservé aucune des grandes époques de la nature. Ce n'est qu'en pénétrant dans les entrailles de la terre qu'on peut s'en former quelque idée. Et alors, en voyant dans les excavations les plus profondes ainsi que sur les plus hautes montagnes, des dépouilles de végétaux et d'animaux marins, rangées en couches qui appartiennent évidemment à des époques différentes, qui pourrait dire combien de fois a été changée la surface de ce globe; combien de fois, les arts, les sciences et les lettres ont été perdus dans ces grands bouleversemens, sans doute avec à peu près toute l'espèce humaine; combien de fois par conséquent il a fallu que l'homme sortit en quelque sorte du néant par ses propres efforts et recommençât tout l'état social? Ici le champ des conjectures est vaste; et la certitude, faute de monumens historiques, se borne au fait général.

Mais il est des Révolutions d'un autre genre qui ont aussi à plusieurs reprises arrêté la marche de l'esprit humain et éteint presque totalement le flambeau des lumières; révolutions moins effrayantes sans doute que celles de la nature, mais plus déplorables, parcequ'elles ont été l'ouvrage de l'homme même.

Est-il quelqu'un qui ignore que dans le très petit nombre de siècles dont il nous est donné de connaître un peu l'histoire, les lettres et les sciences sans lesquelles il n'existe pas de véritable civilisation, n'ont jamais régné en même tems sur toute la terre connue; qu'elles ont porté leurs bienfaits tantôt dans une contrée, tantôt dans une autre; et que même après les avoir vues briller un moment du plus vif éclat chez deux peuples ingénieux qui semblaient promettre d'étendre au loin leur empire, elles se sont éteintes tout d'un coup pour reparaitre, après une nuit de mille ans, avec une splendeur nouvelle? Cette longue période de stérilité pour l'esprit humain, préparée par la tyrannie et tous les malheurs qu'elle entraîne à sa suite, fut, comme on sait, l'ouvrage des barbares, aujourd'hui nos ancêtres, qui détruisirent presque en un clin-d'oeil l'empire que les Romains n'avaient formé qu'avec le secours des siècles.

Je ne veux point retracer les scènes de désolation et d'horreur qui affligèrent alors l'Europe, ni peindre l'état d'abrutissement où elle fut réduite. Un tableau moins humiliant et plus consolateur se présente: c'est celui des efforts de l'esprit humain pour dissiper les ténèbres dans lesquelles il était plongé; c'est celui des grandes découvertes qui ont élevé l'Europe à ce haut point de civilisation qui la fait dominer sur toutes les autres parties de la terre. Mais les bornes d'un discours ne permettant pas d'embrasser toutes les parties d'un si vaste sujet,

j'écarterai tout ce qui tient au perfectionnement de l'homme par l'amélioration des gouvernemens et des législations, ainsi que par les modifications qu'ont subies quelques croyances religieuses. Je ne dirai que ce qui a rapport absolument aux lettres, aux sciences et aux arts.

Charlemagne avait fait les plus grands efforts pour ramener le goût des lettres; mais son siècle ne put s'élever jusqu'à lui. A cette époque les moyens même d'instruction manquaient, et on fut réduit, faute de livres classiques, à se servir dans l'enseignement de compilations remarquables par le mauvais goût du style et par l'incohérence des idées qu'on avait puisées au hasard chez les philosophes Grecs sans les entendre. Il était naturel que ces premières études égarassent l'esprit humain: et en effet on vit naître la *philosophie scholastique*. Quoique les questions dont elle s'occupa fussent pour la plupart frivoles et quelquefois même absurdes au plus haut degré, elle aiguïait néanmoins les esprits par les distinctions subtiles et les divisions d'idées qu'elle introduisit dans l'argumentation dont les formes avaient été puisées dans la logique d'Aristote.

Mais le règne de la scholastique fut beaucoup trop long. Le despotisme d'autorité qu'elle introduisit en consacrant en quelque manière l'infailibilité du philosophe de Stagire, enchaina la pensée et recula jusqu'au tems de Montagne et de Descartes la naissance de la vraie philosophie. Dumoins si on avait étudié les traités de Physique et d'histoire naturelle d'Aristote! Si surtout on les avait comparés avec les phénomènes de la nature! on serait arrivé insensiblement à *l'art d'observer* sans lequel toutes nos connaissances restent caduques et imparfaites.

Aussi jusqu'à Bacon qui eut la gloire de mettre sur la véritable route, les sciences naturelles n'existèrent pas.

Ce furent les Arabes qui introduisirent le péripatétisme en Europe. Enrichis par leurs conquêtes, ils étaient les premiers sortis de la barbarie. Les premiers, ils eurent en même tems des orateurs, des mathématiciens, des astronomes, des médecins, des chimistes. Ces derniers, pour s'être rendus ridicules par la peine qu'ils ont pris pour trouver la transmutation des métaux et un remède universel, n'en sont pas moins les inventeurs de la chimie comme analyse des principes et des propriétés des corps. C'est aux Arabes que l'on doit, vers la fin du Xe siècle l'ingénieux système de numération arithmétique dont se servent tous les peuples modernes. C'est eux aussi qui ont simplifié le calcul trigonométrique. Les écoles qu'ils avaient fondées en Espagne et où l'on se rendait de tous les pays de l'Europe, excitèrent l'émulation des souverains, et l'europe commença, à se couvrir d'écoles.

Les peuples qui retirèrent les premiers fruits des ces institutions furent les Italiens, parceque le commerce avait rendues opulentes leurs grandes villes, et que l'opulence qui cherche toujours à jouir trouvait dans les produits des arts des commodités nouvelles et des plaisirs toujours renaissans. La peinture, la sculpture, l'architecture, la musique reçurent comme une nouvelle vie. Le *Dante* génie bizarre mais hardi et sublime; *Pétrarque* plus élégant, plus sensible et surtout plus pur, parcequ'il était admirateur des chefsd'oeuvres de l'antiquité, créèrent la poésie italienne. La prose devint élégante sous la plume badine et satyrique de *Bocace*. Elle fut même fixée par cet aimable conteur, et elle eut cet avantage la première de l'europe; car les autres lan-

gues restèrent encore longtems étouffées par la barbarie du latin corrompu dont l'usage prévalait presque par tout dans les transactions publiques et même privées.

Cependant l'empire des Grecs est renversé, et quelques amis des lettres effrayés de l'ignorance et de la barbarie du vainqueur, abandonnent leur patrie subjuguée, entraînent avec eux des artistes de tout genre, et vont chercher en Italie cette tranquillité qui est si nécessaire à la culture de l'esprit. Bientôt de nouvelles écoles s'élèvent, les langues anciennes sont enseignées, et un homme illustre, issu du sang des Empereurs, se fait gloire d'en donner des leçons publiques. L'enthousiasme pour l'étude des chefs-d'oeuvres de la grèce et de rome devient général dans toute l'Italie et passe de là en Allemagne et en France. La lecture de Platon et des anciens philosophes ébranle bientôt la doctrine d'Aristote, et la ruine de constantinople contribue ainsi à la renaissance de la philosophie, des lettres et des arts.

Deux grandes causes avaient préparé l'Europe à cette révolution; l'invention de la poudre à canon, qui changea tout à fait l'art de la guerre et qui força à l'étude des mathématiques en mettant en quelque sorte le sort des batailles dans leur dépendance; et l'influence heureuse que le délire des croisades avait eu sur la condition des hommes; car il semble qu'il soit de notre destinée de n'arriver au bien que par la route du mal.

Mais, pour que l'esprit humain secouât promptement les chaînes de l'ignorance, pour qu'il pût chez toutes les nations parvenir au plus haut développement de ses facultés, pour que les vérités qu'il découvrirait fussent à l'abri des vicissitudes des empires, il fallait lui imprimer un mouvement plus fort,

plus énergique que celui qui lui venait de l'Italie: il fallait que l'homme pût s'élancer sur les mers, aborder toutes les plages, reconnaître tous les peuples: il fallait encore qu'il créât l'immortalité pour les ouvrages et les découvertes du génie.

Le XVe siècle a vu tous ces prodiges.

Depuis plus de 2000 ans on savait que l'aimant attire le fer. Cette propriété lui avait fait donner par Aristote le nom de *piere par excellence*. Mais les anciens s'arrêtèrent là et n'eurent aucune connaissance d'une autre propriété bien plus étonnante encore et peut-être essentiellement liée à la première. Dans le XV siècle un Mathématicien observe que l'aimant se dirige constamment vers le nord: il invente la *Boussole*. Encore un pas de plus et l'homme commande à l'Océan. Mais pour faire ce pas il fallut un demi siècle; tant est lente la marche de l'esprit humain! Enfin l'application de l'aiguille aimantée à la navigation dont les anglais avaient déjà fait usage, mais dans des expéditions peu importantes, est saisie par un prince du portugal, et bientôt madère est découverte. Quatre vingts ans après *Vasco de Gama* trouve le passage aux indes par le cap de Bonne Espérance. Le commerce du monde est changé.

Dès ce moment la navigation ne consiste plus à se trainer timidement le long des côtes. L'homme ne craint plus de s'éloigner de la terre et de se perdre sur l'océan. Des principes fixes et invariables, puisés dans l'astronomie et la physique, dont les domaines s'étendent de jour en jour, le conduisent avec sécurité sur des mers inconnues, et rapprochent les peuples dispersés sur toutes les parties du globe. Alors les produits particuliers de chaque climat transportés en grande abondance et à peu de frais commencent à devenir une jouissance commune

pour tous. L'industrie naît du désir de se les procurer; et avec l'industrie la richesse qui est le soutien des arts et des sciences.

Pendant qu'on cherchait la route des Indes par mer, un homme obscur et né dans l'indigence, mais d'un génie vaste, d'une ame ferme, d'une intrépidité indomptable, agitait dans sa pensée une découverte qui devait confondre toutes les idées reçues jusqu'alors relativement à l'étendue de la terre habitée, et influer en même tems sur la condition de tout le genre humain. Il devine, ou plutôt la force de sa raison lui démontre, que la terre étant sphérique, le continent du monde connu devait être balancé par une quantité égale de terres dans l'hémisphère opposé. Il offre à plusieurs Souverains d'aller à la recherche des pays dont il conçoit l'existence. Par-tout il est repoussé; mais huit ans d'incertitudes et de sollicitations pendant lesquelles il eut à combattre les obstacles sans nombre qu'élevaient l'ignorance, la superstition, l'avarice et l'orgueil, ne le découragèrent pas. L'Espagne fournit enfin à Colomb les secours qu'il demande; et trois mois après, Colomb met l'Europe en possession des biens et des maux du nouveau monde... Des maux! laissons les de côté, et ne parlons que des biens. Pourquoi contrister l'ame par un tableau qui dégrade l'homme, et qui au surplus ne nous rendrait pas meilleurs?

La découverte de l'amérique produisit une effervescence universelle dans tous les esprits. Que de fantômes imposans s'évanouirent, que de préjugés disparurent quand l'homme put observer son semblable sur une terre dont la superstition avait

défendu de soupçonner l'existence! De quel trésor d'observations ne s'enrichit pas la philosophie lorsqu'elle put connaître toute la race humaine, et étudier les sociétés dans différens degrés de civilisation, depuis l'état sauvage jusqu'à celui d'une demi-culture: lorsqu'elle se fut assurée que les habitudes morales étaient fortement soumises à l'influence des circonstances physiques de chaque latitude et de chaque climat: vérité enseignée autrefois par Hippocrate, mais mise depuis dans tout son jour, à l'aide de l'homme sauvage, parceque celui-ci, au contraire de l'homme civilisé, ne songeant point à corriger les inconvéniens des températures, est entièrement modifié par leurs effets. Que de réflexions profondes durent aussi naître du spectacle de deux religions, l'une cruelle, horrible dans ses dogmes et ses cérémonies, et n'appaisant la colère de ses dieux qu'en abreuvant leurs autels de sang humain: l'autre douce, humaine, bienveillante, parcequ'elle était fondée, non sur des êtres fantastiques créés par la terreur, mais sur le culte du *soleil*, emblème par sa chaleur féconde de la bienfaisance divine. La première ayant, malgré quelques arts et un commencement de civilisation, donné aux moeurs des Mexicains un caractère de cruauté qui effaçait celui même des peuples absolument sauvages; la seconde, inspirant aux Péruviens des sentimens de justice et de bonté au milieu même des horreurs de la guerre, qui n'avait pas averse, la soif des conquêtes, ni le désir d'étendre le commerce pour motif, mais le besoin de civiliser les nations voisines qui troublaient la tranquillité de l'empire.

Et les sciences physiques et naturelles, les arts, le commerce, que ne gagnèrent-ils pas en s'emparant des productions inconnues auparavant, dont abondait le nouveau monde? Que

d'animaux de structure, d'habitudes, d'instinct différens de ceux des autres parties de la terre! Que d'arbres, que de plantes, qui sont employés maintenant dans nos manufactures, dans les ateliers des arts et du luxe, ou qui servent d'une manière plus directe encore à nos jouissances et à nos plaisirs, et même qui éloignent ou soulagent les infirmités qui assiègent notre faiblesse! Que de métaux précieux ont aussi été versés dans la circulation! Ils ont accru tous les genres d'industrie, animé tous les talens; et le phénomène de quelques états qui se sont trouvés misérables et appauvris, tout en possédant ces objets que le vulgaire regarde comme le principe constituant de la richesse, a éclairé l'économie politique et la science de l'administration.

Ainsi toutes les connaissances humaines avançaient vers un point de perfection supérieure à celle d'aucun tems connus. Mais leurs progrès devaient être d'autant plus rapides et acquérir une marche d'autant plus ferme et constante que l'homme avait posé à-peu-près dans le même tems une barrière insurmontable à l'ignorance, l'imprimerie. Jusqu'alors l'instruction avait été difficile et couteuse par la rareté et le haut prix des manuscrits. L'imprimerie en multipliant à peu de frais les ouvrages de l'esprit, a rendu la lecture peu conteuse, a popularisé la science et empêché qu'elle ne fut le privilège exclusif de la richesse qui souvent s'en soucie fort peu. Avantage inappréciable de cette invention! la pensée a des ailes. Une vérité trouvée sur les bords de la Tamise, ou de la Seine, ou du Danube, passe rapidement sur ceux de la Néva, du Meschacebé et du Gange. C'est

une étincelle électrique dont sont frappés tous les peuples civilisés qui ont ensemble quelque communication.

La découverte de l'imprimerie coïncida avec l'émigration des grecs de Constantinople qui en dirigeant toutes les études vers celles de la littérature ancienne, firent qu'on ne s'occupa guères dans cet age qu'à rechercher les manuscrits des auteurs Grecs et Romains, à les publier, à les commenter, à rendre familiers enfin les principes de la véritable éloquence renfermés dans ces productions du génie et du goût. Mais comme toutes les connaissances humaines ont entre elles des points de contact multipliés, il est impossible que les progrès de l'une n'influent plus ou moins sur l'avancement des autres. Aussi dans les siècles suivans, le génie de l'homme prit dans tous les arts, dans toutes les sciences, dans toutes les branches de la littérature un essor qui étonna l'esprit humain lui-même. L'instruction devint plus universelle et se répandit davantage, parceque les plaisirs intellectuels devinrent chez tous les peuples un besoin pour plusieurs classes nombreuses de la société. Mais la gloire de ces siècles n'appartient pas à mon sujet. J'ai dit les grandes causes qui ont donné à l'Europe le sceptre du monde. Quelle force a anéanti les *naturels* de l'Amérique dont le nombre é ait effrayant comparé à celui de leurs vainqueurs? Quelle puissance retient dans l'Indostan trente millions d'individus sous le joug d'une compagnie de commerce à l'extrémité occidentale de l'europe? Qui peut défendre une poignée d'européens, trafiquant sur quelques points de l'afrique, contre l'avidité féroce des barbares qui les entourent? C'est la grande supériorité des lumières. En faisant profiter de toutes les fautes de l'ennemi,

en combinant tous les moyens d'attaque et de défense, en en créant même de nouveaux à l'aide de ce que chaque progrès des sciences peut offrir d'utile, elles donnent d'avance la victoire dans l'opinion publique, et celle-ci la prépare sur le champ de bataille. Est-ce le courage seul qui a conduit dernièrement nos légions victorieuses au de là du Danube? Est-ce à lui seul que la Russie doit les triomphes sans nombre qu'elle a remportés sur les Turcs? Non. Un peuple éclairé, toutes choses égales d'ailleurs, domptera toujours un peuple qui ne l'est point, parce que le courage ne suffit plus dans les combats, parce que l'ignorance ne sait ni discipliner, ni entretenir, ni diriger une armée. L'art militaire se lie depuis longtems aux connaissances mathématiques, à celles de la chimie, à toutes les parties de la physique. La littérature même et les beaux arts, qui sembleraient lui être absolument étrangers, ont souvent facilité ses succès. Les chants de Tyrtée animaient les grecs aux combats: la musique toujours servit à exciter la valeur: et souvent l'éloquence, en ramenant à l'ennemi le soldat qui fuyait, a déterminé la victoire en faveur du vaincu.

Ce fut donc, même sous le rapport militaire, une grande pensée du souverain qui nous gouverne, que celle de répandre les lumières dans ce vaste empire. Ainsi notre patrie, qui, avant ALEXANDRE Ier, voyait les nations occidentales marcher au perfectionnement de toutes les facultés intellectuelles et de tous les moyens de prospérité, sans pouvoir suivre ce mouvement qui compromettait tout à la fois sa sureté, sa gloire et son bonheur, redevenue leur égale par les établissemens d'instruction qu'elle a reçus de ce Monarque chéri, voit la génération qui s'élève

lui promettre une ample moisson de gloire dans tous les genres ainsi que les plus hautes destinées. Quel obstacle aujourd'hui s'oppose à ce que la noblesse acquière les connaissances qui conviennent le plus à ses goûts et à son dévouement pour sa patrie? Les lumières ont été mises à la portée de tous; et chaque individu, suivant le rang où le sort l'a fait naître, est appelé à développer les talens dont la société réclame l'emploi. Reçois, illustre Monarque, pour un si grand bienfait, les actions de grâces de quarante millions d'individus qui sont heureux par tes soins! et daignes ne pas rejeter les hommages publics que te rend dans cette auguste assemblée un ami des lettres, un nouveau sujet, qui ne se soumit à tes loix que lorsqu'il connut ton génie et ta justice!

Antoine Dégouroff.

*О возражденіи наукъ, и перевѣсѣ, которой онѣ дали
Европѣ предъ прочими частями свѣта.*

Размышляя о предопредѣленіи человѣка, о способностяхъ дарованныхъ ему къ достиженію онаго, и объ успѣхахъ въ просвѣщеніи, кои бы онѣ по сему непрестанно долженствовали дѣлать, по справедливости удивиться можно, что и нынѣ находимъ еще шолкое множество дикихъ племенъ и варварскихъ народовъ. Чтобы объяснить сіе изумляющее насъ явленіе, надлежало бы съ точностію познать всѣ многообразныя перемѣны, коимъ подверженъ былъ шаръ земной. Но свѣдѣнныики гражданской Исторіи дошедшіе до насъ не сохранили ни одной изъ достопамятныхъ Епохъ въ Природѣ; — и токмо проникая во внутренность земли мы можемъ доставить себѣ нѣкоторое о томъ понятіе. — Тамо, въ глубочайшихъ рытвинахъ, равно какъ и на самыхъ высокихъ горахъ, видя оспанки морскихъ растѣній и животныхъ, лежащихъ слоями, кои очевидно принадлежатъ къ разнымъ Епохамъ, кто можетъ опредѣлительно сказать, коликократно измѣнялась поверхность сего шара? Сколько разъ при сихъ великихъ потрясеніяхъ погибали искусства, науки и письмена со всемъ почти родомъ человѣческимъ; и слѣдовательно сколько разъ надлежало человѣку собственными усиліями исходить такъ сказать изъ ничтожества, и начинать Общественную жизнь? Здѣсь открывается обширное поле для догадокъ; но достоверность, за недостап-

комъ историческихъ памятниковъ, ограничивается однимъ только тѣмъ, что сіи потрясенія были.

Кромѣ того есть еще и другого рода перевороты, кои многократно останавливали ходъ ума человѣческаго и почти совершенно погашали свѣтильникъ просвѣщенія. Перевороты сіи безъ сомнѣнія не столь ужасны, какъ преобращенія въ природѣ, но оныя болѣе для насъ плачевны, потому что суть произведеніе самаго человѣка.

Кому неизвѣстно, что въ небольшое даже число вѣковъ, о коихъ дошли до насъ историческія преданія, письмена и науки, безъ коихъ нѣтъ истиннаго образованія, никогда не озаряли въ одно время всего извѣстнаго намъ міра; что онѣ переходили изъ одной страны въ другую, и что онѣ процвѣтавъ нѣкоторое время съ особливимъ блескомъ у двухъ остроумныхъ народовъ, общавшихъ по видимому далеко распространить свѣтъ ихъ, вдругъ угасли, и не прежде какъ послѣ тысячелѣтней ночи опять явились въ новомъ сіяніи. Сей длинный періодъ безплодности разума человѣческаго, предвуготованный пиранскимъ господствомъ и всѣми бѣдствіями, кои оно всегда влечетъ за собою, былъ, какъ извѣстно, произведеніе варваровъ, нынѣшнихъ праотцевъ нашихъ, которые въ однопочти мгновеніе разрушили Имперію, съ помощію цѣлыхъ вѣковъ воздвигнутую Римлянами. —

Я не намѣренъ упоминать здѣсь о тѣхъ зрѣлищахъ опустошенія и ужаса, отъ коихъ тогда стонала Европа, и начерпывавъ того грубаго невѣжества, въ которое она погружена была. — Другая картина менѣе унижающая и болѣе утѣшительная для меня здѣсь представляется; картина представляющая усилія разума человѣческаго разсѣять

покрывавшій его мракъ, и изображающая великія открытія возведшія Европу на ту высокую степень просвѣщенія, которая даетъ ей владычество надъ прочими частями вселенной. —

Но предѣлы рѣчи сей не позволяютъ объять всѣхъ частей столь обширнаго предмета; и потому я не буду говорить здѣсь о томъ, сколько способствовали къ усовершенствованію человѣчества улучшеніе правительствъ и законовъ, и измѣненія во мнѣніяхъ относительно вѣры; а предложу только о томъ, что собственно относится къ письменамъ, наукамъ и художествамъ. — Карлъ Великій сдѣлалъ величайшія усилія, что бы возстановить вкусъ къ наукамъ; но вѣкъ его не могъ соотвѣтствовать высокому его духу. Во времена сіи не доставало самыхъ средствъ къ ученію, и надобно было за недостаткомъ Классическихъ книгъ употреблять для наставленія собраніе выписокъ, замѣчательныхъ по дурному слогу и несвязности мыслей, почерпнутыхъ наудачу изъ Греческихъ философовъ весьма худо выразумѣнныхъ. — Естественное, что таковое первоначальное ученіе долженствовало ошвратить разумъ человѣческій отъ истиннаго пути и въ самомъ дѣлѣ отъ него произошла на свѣтѣ *Схоластическая Философія*. — Хотя предметы, коими она занималась, были по большей части пусты и нелѣпы въ высочайшей степени; при всемъ томъ она изощряла умы тонкими различеніями и раздѣленіями понятій вводимыхъ ею въ умствованія, коихъ образцы почерпнуты были изъ Логики Аристотелевой. Впрочемъ царствованіе Схоластическаго ученія было слишкомъ продолжительно. — Безпредѣльное, нѣкоторымъ образомъ священное уваженіе,

оказываемое ко мнѣніямъ Спагирскаго философа, самовластною рукою наложило узы на способность мыслить, и опдалило до временъ Монпаня и Декарта рожденіе истинной философіи. — По крайней мѣрѣ естли бы вникали тогда въ открытія сдѣланныя Аристотелемъ въ физикѣ и Естественной Исторіи; особенно естли бы примѣняли оныя къ самымъ явленіямъ природы, то безъ сомнѣнія нечувствительно достигли бы искусства наблюдать, безъ коего всѣ наши познанія бывають ненадежны и несовершенны. По сей по причинѣ до Бакона, которому принадлежишь слава открытія пути къ истинѣ, естественныхъ наукъ не существовало. —

Перипатетизмъ введенъ былъ въ Европу Аравіянскими. — Содѣлавшись богатыми чрезъ побѣды они первые вышли изъ грубаго состоянія варваровъ; — первые имѣли въ одно время Нравоучителей, Стихотворцевъ, Бытописателей, Орапоровъ, Магематиковъ, Звѣздочетцовъ, Врачей и Химиковъ. Сіи послѣдніе хотя показали себя довольно спранными, усиливаясь преобразовывать металлы и открывать всеобщее лѣкарство, однако не смотря на то были изобрѣтателями Химіи, науки раздробляющей тѣла на свои начала и изслѣдывающей свойства оныхъ. Аравіянцамъ обязаны мы въ концѣ 10 столѣтія открытіемъ астрономической системы Ариометического счисленія, употребляемаго теперь всѣми просвѣщенными народами; — они же облегчили изчисленія Тригонометрическія. Основанныя ими училища въ Испаніи, куда для изученія стекались изъ всѣхъ частей Европы, возбудили соревнованіе во многихъ тогдашнихъ Государяхъ, и Европа повсюда начинала усѣяться учебными

заведеніями.—Первый народъ, воспользовавшійся плодами сихъ заведеній были Италіанцы; торговля обогатила ихъ большіе города; богатство же, ищущее всегда наслажденій, открыло въ произведеніяхъ искусствъ новые для себя роды выгодъ и удовольствій. — Отъ того живопись, ваяніе, зодчество и музыка получили совсѣмъ новую жизнь.—Дантъ, снранный но смѣлый и высокій умъ, и Петрархъ, съ лучшимъ вкусомъ, съ нѣжною чувствительностію, и особенно съ большею чистотою въ слогъ, (ибо онъ былъ истинный любитель изящныхъ произведеній древности), даровали бытіе Италіанскому Спихотворству. — Проза получила пріятное сладкозвучіе подъ забавнымъ и сатирическимъ перомъ Бокація. — Сей краснорѣчивый баснеписецъ постановилъ даже правила для оной — и сіе преимущество Италіанской языкъ снискалъ первый въ Европѣ; ибо всѣ другіе языки оставались подавлены употребленіемъ испорченной Лапыни, служившей тогда почти вездѣ для общественныхъ и частныхъ сношеній. —

Между тѣмъ Греческая Имперія разрушена завоевателями, коимъ ни наука управлять, ни вкусъ къ просвѣщенію были не извѣстны. Любители знаній оставляютъ покоренное опечесство свое, увлекаютъ вмѣстѣ съ собою отличныхъ въ каждомъ родѣ художниковъ и приходятъ въ Италію искать той пищи и спокойствія, кои необходимо нужны для занятій разума. — Вскорѣ попомъ воздвигаютъ новыя училища, въ которыхъ начинаютъ обучать древнимъ языкамъ, и одинъ мужъ, произшедшій отъ крови Императоровъ, поставляетъ себѣ за честь преподавать въ оныхъ публичныя наставленія. — Спрасть къ изученію образъ

цовыхъ Греческихъ и Латинскихъ твореніи, содѣлалась господствующею во всей Италіи, и перешла опшуда въ Германію и Францію. Чпеніе Платона и другихъ великихъ учипелей древности, скоро попрясаеѣ философію Аристотелеву. Такимъ по образомъ паденіе Константинополя способствовало къ возрожденію любомудрія, наукъ и художествъ въ Европѣ. —

Въ поже почти время двѣ важныя причины приутоповили Европу къ великой перемѣнѣ: 1. Изобрѣпеніе пороха, измѣнившее совершенно образъ войны и принудившее учиться Магематики, дѣлая судьбу сраженій нѣкоторымъ образомъ опъ нея зависящею; 2. Щастливая перемѣна въ состояніи людей, произведенная буйствомъ Крестовыхъ походовъ. Такова учаспъ человекъ! Намъ опредѣлено кажется, единственно путемъ неащспій доспигатъ ко храму добра. Но чпобы умъ человекскій сбросилъ съ себя иго невѣжества, чпобы способности его могли развитья совершенно у всѣхъ народовъ и чпобы опкрываемыя имъ истинны были безопасны опъ Государственныхъ переворотовъ, надлежало произвести въ немъ тысячу впечатлѣній гораздо сильнѣе и дѣйствительнѣе тѣхъ, какія онъ получилъ опъ Италіи; надлежало ему умѣть переплывать моря, обозрѣвать всѣ страны, познать всѣхъ народовъ; и сверхъ сего надлежало, чпобъ онъ возмогъ увѣковѣчивать свои пворенія.

Пятой надесяти вѣкѣ видѣлъ всѣ сіи чудеса совершившимся. — Еще за 2000 лѣтъ извѣстно было, чпо магнитъ припятиваетъ желѣзо. — Сіе свойство подало поводъ Аристотелю дать ему названіе *камня по превосходству*. — Но древніе на семъ оставались; и не имѣли никакого свѣденія о

другомъ, еще удивительнѣйшемъ его свойствъ, имѣющемъ можетъ быть существенную связь съ первымъ. Въ пятомъ надѣсять вѣкѣ одинъ Матемашикъ замѣтивъ, что магнитъ непрерывно направляется къ сѣверу, изобрѣтаетъ компасъ. — Еще одинъ шагъ, и человѣкъ повелѣваетъ Океаномъ. Но чтобы сдѣлать сей шагъ, потребна была цѣлая половина столѣтія; столько по медленнѣ ходу ума человеческого. Наконецъ приспособленіе магнитной стрѣлки къ мореплаванію изъ которой Англичане сдѣлали до того еще употребленіе въ нѣкоторыхъ маловажныхъ предпріятіяхъ, усовершенено однимъ Португальскимъ Принцомъ, и тотчасъ открыта Мадера. Восемдесятъ лѣтъ спустя потомъ Васко де Гама чрезъ мысъ Доброй Надежды открываетъ путь въ Восточную Индію, и торговля во всей вселенной приемлетъ новый видъ.

Съ сего времени мореплаваніе не состоитъ уже болѣе въ боязливомъ влаченіи себя по побережіямъ морей. -- Человѣкъ не страшится болѣе удаляться отъ твердой земли и оставяетъ Океанъ за собою. Поспоянныя и неизмѣняемыя правила, почерпнутыя изъ Астрономіи и Физики, коихъ владычество день ото дня болѣе распространяется, съ безопасностію провождаютъ его по неизвѣстнымъ морямъ, и сближаютъ между собою народовъ разсѣянныхъ повсюду частями земнаго шара. -- Съ тѣхъ поръ произведенія каждого климата, будучи переносимы въ великомъ изобиліи и съ чрезвычайною удобностію изъ одной страны въ другую, спали были общимъ всѣхъ наслажденіемъ. Желаніе доставлять себѣ оныя рождаетъ промышленность, отъ промышленности происходитъ богатство -- маперъ наукъ и художествъ. —

Между тѣмъ какъ искали морскаго пути въ Индію, человекъ родившійся въ бѣдности и неизвѣстности, но съ обширнымъ умомъ, твердымъ духомъ и непоколебимою бодростію замышлялъ въ душѣ своей открытіе, долженствовавшее разрушить всѣ тогдашнія мнѣнія, о пространствѣ обитаемой нами земли, и произвести великую перемѣну въ судьбѣ всего человѣчества. -- Онъ догадывается, или лучше сказать, сила его ума убѣждаетъ его, что обитаемая нами твердыня по шарообразности земли должна быть содержиما въ равновѣсіи такою же тяжестію съ противоположной стороны. Предлагаетъ многимъ государямъ услугу свою отправиться для изысканія новыхъ земель, въ существованіи которыхъ онъ увѣренъ. По всюду она была опринута. Но не смотря на восмилѣтнюю нерѣшимость Государей, на безчисленные препятствія, противопоставленныя ему невѣжествомъ, предразсудками, скупостію и гордостію, не теряетъ онъ своей бодрости. Испанія даетъ наконецъ Колумбу, требуемое имъ вспоможеніе, и чрезъ три мѣсяца Колумбъ дѣлаетъ Европу обладательницею благъ и золъ новаго свѣта — . . . Золъ! но сокроемъ ихъ отъ глазъ нашихъ, и спанемъ говорить объ одномъ токмо добрѣ. — Для чего печаливать душу картинами унижающими человека, кои привсемъ помъ не могутъ одѣлать насъ лучшими? —

Открытие Америки произвело всеобщую перемѣну въ умахъ. — Сколько пусныхъ, владычествовавшихъ до полъ призраковъ, исчезло; сколько предразсудковъ уничтожено, когда человекъ увидѣлъ подобнаго себѣ въ другой части міра, о существованіи которой суевѣріе и помышлять во-

спрещало! — Какимъ сокровищемъ наблюденій обогатилась Философія, когда она пришла въ состояніе познаць весь родъ человѣческій и разсмотрѣть общества въ различныхъ степеняхъ образованности, начиная отъ дикаго состоянія до полупросвѣщеннаго! Когда она могла увѣришься, что нравственныя привычки и обычаи весьма много зависятъ отъ вліянія физическихъ обстоятельствъ каждой широты и каждого климата. — Истина сія, преподаваемая нѣкогда Гиппократомъ, съ того времени озарена новымъ свѣтомъ; ибо дикой въ противоположность человѣку живущему въ обществѣ, не думая почти совсѣмъ объ отвращеніи естественныхъ неудобствъ бываетъ образуемъ соответственно ихъ вліянію. Припомъ какія глубокія размышленія должны были родиться при возрѣніи на два совершенно противоположныя вѣроисповѣданія; одно свирѣпое, ужасное въ своихъ законоположеніяхъ и обрядахъ, укрощающее гнѣвъ боговъ своихъ единымъ пролитіемъ крови человѣческой на олтаряхъ; другое кроткое, человѣколюбивое, милосердное, основанное не на обожаніи лютыхъ существъ, ужасомъ произведенныхъ, но на поклоненіи солнцу, знаменію благости Божественной, по его лучамъ живоотворнымъ. Первое, не смотря на нѣкоторыя начатки общественной жизни и художествъ, поселило во нравахъ Мексиканцовъ такое безчеловѣчіе, которое превосходило даже звѣрство самыхъ дикихъ народовъ; другое вдохнуло Перувианцамъ чувствованія справедливости и добродушія, хранимыя ими даже посреди ужасовъ войны, которую припомъ производили они не изъ жадности къ завоеваніямъ, не по желанію распространити предѣлы торговли своей; но по необходимости, дабы усмирить и приве-

сти въ гражданское устройство сосѣднихъ народовъ, возмущавшихъ иногда спокойствіе въ ихъ владѣніяхъ. —

Но сколько приобрѣли Физическія и Естественныя науки, художества и торговля, получивъ во владѣніе свое неизвѣстныя до того времени произведенія, коими изобилуетъ новый свѣтъ? — Коликое множество найдено живописныхъ, опличныхъ по строенію тѣла, навыкамъ и внутреннимъ побужденіямъ отъ живописныхъ прочихъ частей свѣта. — Сколько открыто правъ, растѣній, употребляемыхъ нами теперь въ мануфактурахъ и мастерскихъ всякаго рода художниковъ, или служащихъ еще ближайшимъ образомъ для нашихъ удовольствій и наслажденій, даже такихъ, кои отвращаютъ, или по крайнѣй мѣрѣ облегчаютъ поборающія слабость нами недуги! — Сколько драгоценныхъ металловъ попекло въ торговомъ обращеніи! Сіи послѣдніе увеличили всѣ роды промышленности, одушевили дарованія; и участь нѣкопрыхъ государствъ, пришедшихъ въ бѣдность и разореніе при изобиліи во всемъ, томъ что чернь почитаетъ первымъ богатствомъ, подала новый свѣтъ Государственному хозяйству и наукъ народопривлеченію. —

Такимъ образомъ всѣ познанія человѣческія приближались къ совершенству, гораздо Вышнему, нежели онѣ когда либо были. Но успѣхи долженствовали бытъ тѣмъ быстрѣе, тѣмъ надежнѣе и постояннѣе, что человѣкъ, почти въ то же время, воздвигъ неборимый оплотъ противъ невѣжества — *книгопечатаніе*. — До того времени ученіе было затруднительно и стоило дорого, по рѣдкости и высокой цѣнѣ рукописей. — Книгопечатаніе умножая съ немногими

издержками произведенія ума, содѣлало чпеніе книгъ общественнѣе и воспрепятствовало наукамъ быть исключительною принадлежностію богатыхъ, кои часто весьма мало объ нихъ заботятся. Какая неоцѣненная выгода отъ сего изобрѣтенія! Мыслямъ даютъ крылья. Истинна, открывая на берегахъ Темзы, Сены, или Дуная, быстро перелѣтаетъ ко брегамъ Невы, Мисисипи, Гангеса. — Епо Електрическая искра, которая попрыскаетъ всѣ благоустроенные народы, имѣющіе какое-нибудь между собою сообщеніе.

Изобрѣтеніе книгопечатанія случилось въ одно время съ выходомъ ученыхъ Грековъ изъ Константинополя, кои употребили все спараніе къ преподаванію познаній въ Древней Словесности: и въ семъ вѣкѣ ничемъ болѣе не занимались, какъ токмо опыскиваніемъ рукописей Греческихъ и Латинскихъ, обнародованіемъ оныхъ, извясненіемъ и наконецъ введеніемъ въ общественное употребленіе правилъ истиннаго Краснорѣчія, находимаго въ сихъ произведеніяхъ творческаго ума и вкуса. — Но какъ всѣ человѣческія познанія имѣютъ весьма тѣсную между собою связь, то не возможно, чпобы успѣхи одной не имѣли болѣе или менѣе вліянія на успѣхи другихъ. — Посему то въ слѣдующихъ вѣкахъ дарованія человѣческія сдѣлали споль быстрый полетъ во всѣхъ искусствахъ и наукахъ, во всѣхъ отрасляхъ Словесности, чпо самый разумъ приведенъ былъ въ удивленіе. — Образование гораздо болѣе распространилось; занятія и удовольствія умственные содѣлались у всѣхъ народовъ нѣкоторою необходимостію для многихъ, весьма значительныхъ классовъ въ обществѣ. — Но слава сихъ споль-

тій не принадлежитьъ къ моему предмету; — Я изчислилъ токмо главныя причины, вручившія Европѣ скипетръ надъ вселенною. —

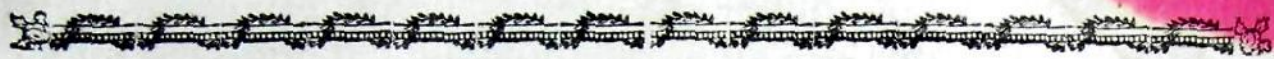
Какая сила привела въ ничтожество природныхъ обитателей Америки, которыхъ число было неимоверно велико въ сравненіи съ числомъ ихъ побѣдителей? Какое могущество удерживаетъ теперь прицѣпъ миліоновъ Индѣйцевъ подъ игомъ торговаго общества, живущаго на Западномъ краю Европы? Чѣмъ защищаетъ горсть Европейцевъ, управляющихъ торговлю въ нѣкоторыхъ углахъ Африки, противъ звѣроуравныхъ и хищныхъ Готентотовъ ихъ окружающихъ? Одно только превосходство въ просвѣщеніи. — Научая насъ пользоваться всѣми ошибками непріятеля, преподавая способъ къ нападенію и оборонѣ, созидая даже при помощи всего того, чѣмъ науки сообщаютъ намъ полезнаго, всегда новыя къ тому средства, оно предуготовляетъ побѣду во мнѣніи народномъ, а сія готовитъ дѣйствительную на полѣ ратномъ. — Одна ли храбрость привела недавно побѣдоносныя легіоны наши на ту сторону Дуная? Ейли одной обязана Россія безчисленными побѣдами, одержанными ею надъ поклонниками Магомета? — Нѣтъ, народъ просвѣщенный, при одинаковыхъ впрочемъ обстоятельствахъ, всегда воспоржествуетъ надъ народомъ менѣе образованнымъ, поелику одна воинственная доблесть недостаточна уже для того, чтобы прибрѣсти лавръ побѣды; надобно быть наставленнымъ въ знаніи содержатъ, сберегають и править многочисленными ополченіями. Военное искусство съ давняго уже времени имѣетъ тѣсную связь съ познаніями

Математическими, Химическими и со всѣми частями Физики. — Словесность и изящныя искусства, кои по видимому никакого къ нему не имѣютъ отношенія, часто облегчали успѣхи въ ономъ. Ибси Тиршея воодушевляли Грековъ въ битвахъ; музыка всегда служила къ возбужденію мужества, и краснорѣчіе обращая противу непріятеля убѣждающаго воина, часто опредѣляло побѣду въ пользу побѣжденнаго. —

Съ таковыми по видами, относящимися и къ военному искусству, Великій, обладающій нами Монархъ предпринялъ распространить просвѣщеніе въ сей обширнѣйшей Имперіи. — Опечеснво наше до вступленія на престолъ АЛЕКСАНДРА I. бывшее шокмо зрипелемъ, какъ народы, живущіе на Западѣ Европы, шествовали къ вышшему усовершенствованію во всѣхъ умственныхъ спосбностяхъ, во всѣхъ средствахъ благоденствія, будучи само не въ силахъ слѣдовать сему восхожденію, обѣщающему и безопасность и славу и благоденствіе, получило ошъ сего возлбленнаго Государя успановленія, предвугоповляющія ему самую блистательную учась. Чшо препяпспвуемъ шеперь благороднымъ юношамъ получить образованіе, приличнѣйшее ихъ вкусу и ихъ привязанности къ опечеснву? Входъ во Храмъ просвѣщенія равно открьтъ для всѣхъ, и каждый сообразно соспоянію, въ копоромъ судьба произвела его на свѣтъ, призывается въ мирную обипель сію усовершишь дарованія свои для пользы общеспвенной. — Какой Самодержецъ когда либо сдѣлалъ болѣе для своего народа? Какой Государь увѣнчалъ себя славою, величеспвеннѣшой, копорая сопровождаетъ всѣ желанія и всѣ предпріятія Героя нашего ко бла-

гу общему. Прими преславный Монархъ признапельность и благодаренія, приносимыя тебѣ нынѣ отъ 40 миліоновъ, благоденствующихъ подъ пвоимъ покровомъ. И не отвергни обѣтовъ, посвящаемыхъ тебѣ торжественно въ семъ знаменіи собраніи другомъ наукъ, новымъ подданнымъ, который подвергъ себя законамъ пвоимъ, познавъ мудрость и правоту пвою.

III.

Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents.

Der Abschnitt unserer Erdkugel, aus welchem die europäische Menschheit und Cultur hervorgieng, ist der mythische Orient der Alten, unter welchem nicht bloß Mittel- und Vorder-Asien, sondern auch Aegypten verstanden werden muß. Assyrier, Chaldäer, Phönizier, und Aegyptier standen ursprünglich in einer Wechselwirkung von Cultur.

Das Ganze der Cosmogonien, Theogonien und Anthropogonien der genannten Völker stellt die Ur-Geschichte des Menschen-Geschlechtes dar, wo Gestirne und Elemente, Götter und Titanen, Fetische und Cultur-Heroen um die Herrschaft des Himmels und der Erde stritten. Dieser Ur-Geist oder vielmehr dieser Orientalismus streckte seine Arme auf der einen Seite bis nach dem Atlas (der Name selbst ein Denkmal davon) und auf der Andern bis nach Thracien aus, wo Orpheus, ein Barde des Orients, himmlische Weisheit in Gesängen dem Süd-Osten Europa's zuerst verkündigte.

Die Namen der Gebirge und Flüsse dieses Reviers sind als die ältesten Denkmäler des Ur-Volkes, seines mythisch-riesenhaften Geistes und vorzüglich als Inschriften der Ur-Sprache und ihrer Scheidung in Dialecte zu betrachten. Das höhere Al-

terthum geht, nach der Bemerkung eines großen Orientalisten, an dem Faden der Wort-Ableitung. Nur auf diesem Wege kann man in das Dunkel der Vorwelt eindringen.

Der Geist dieser Ur-Cultur wurde nach seiner Ausbildung in Bildern festgebannt. Hieroglyphik war das Erbtheil eines besondern Standes geworden. Eine Folge dieses Geistes offenbarte sich durch eine gewisse Stetigkeit in Bildern, welche sich bis jetzt noch in den Schrift-Zügen der Chinesen erhalten hat; durch einen Stillstand, eine gewisse Heiligung der Cultur. In allen nachfolgenden Veränderungen kehrte die nämliche Stetigkeit, die Festhaltung eines Cultur-Grades, gleichsam als Natur-Gesetz zurücke; ein Geist, wodurch sich der Orient vom Occidente unterscheidet.

Europa und zwar der Süd-Osten desselben zuerst wurde von mittel-asiatischen Gebirgs-Völkern besetzt. Herodotische Skythen, Thraken, Saken, Geten sind nur verschiedene Namen der Zweige einer und derselben Familie, von welcher die vormahligen Alanen und heutigen Afganien, Dschaten oder Geten, die Seiks und Rohillas unstreitige Nachkommen und Ueberbleibsel sind. Ich nenne diesen Völker-Stamm den *Skythischen* oder den *Getischen* im weitesten Sinne des Wortes, welcher vom Ganges bis zum Taurus eine Linie beschrieb, und durch Klein-Asien und über den Caucasus nach Europa übergieng. Die Wurzel seines Geschlechtes und seiner Sprache ist Nord-Indien und das Sanscrit. Noch nicht lange hat man in der Sprache der Kaschemirer einen unstreitigen Sanscrit-Dialect gefunden. Griechenland und der Südwesten von Europa wurde von dem nämlichen Stamme zuerst bevölkert, und so ergiebt sich, daß Skythen oder Geten im Allgemeinen, Mysier, Phrygier, Hellenen, die Ur-Ein-

wohner Italiens, Illyrier (Alanen) und Gothen im Allgemeinen so wie Germanen im Besondern Geschlechts- und Sprachverwandte sind, welche sich in eben so viele Mundarten als Stämme mit dem Zeitlaufe geschieden und mannigfaltig vermischt haben.

Ein berühmter Sprachforscher hat eine Mittelsprache zwischen den alten orientalischen und neuen occidentalischen Sprachen aufgestellt, und die Sprache der Geten dafür erklärt, unter welchen Ovid lebte; eine Hypothese, durch welche der Uebergang aus dem Orientalismus in den Occidentalismus der Sprachen erklärt werden soll.

Die Ur-Begriffe der Cosmogonie und Theogonie sind mit den Stämmen aus Asien nach Thracien und Griechenland eingewandert, nicht aber aus dem Sanchoniathon geschöpft oder von späteren Ankömmlingen nur eingimpft. Die Hellenen, ein Schmelzwerk mehrerer Stämme, fiengen den Kreislauf occidentalischer Cultur an; daß sie die Bilder und Ungeheuer des Orients in rein-menschliche Gestalten auflöseten, von Dichtern und Künstlern idealisirt. Frey von Hieroglyphik und von Priester-Orden bildete sich die Literatur der Griechen; von dem ihnen gegebenen Alphabete an wie von der Wurzel entwickelte sich die Pflanze durch alle Grade des Wachsthumes, die sie umgebende Welt hellenisirend. Wie die dichtende Phantasie machte auch die speculirende Vernunft der Griechen einen Scheidungs-Proceß: sie trat aus dem Zauberkreise der Cosmogonie heraus, und bildete unter den Joniern die erste Schule einer *freyen* Philosophie.

So gab es nun einen Occident im Gegensatze des Orientes; eine occidentalische Cultur, welche *fortschreitend* sich ausbildete. Eine Scheidung, welche sich auch in politischer Rück-

sicht durch den trojanischen Krieg, die Kämpfe mit den Persern, beurkundete, und bey den Griechen selbst ein Hochgefühl körperlicher Ueberlegenheit hervorbrachte, deren Geheimniß aber in ihrer Gymnastik und Tactik lag.

Die griechische Cultur ist nach den verschiedenen Stufenfolgen ihrer Ausbildung und allen ihren Strahlen aus dem Mittelpunkte nach Asien, Aegypten, Lybien, Sicilien, Unter-Italien und bis an den Borysthenes und Tanais ein Ganzes, das man als einen Cyclus betrachten kann; eine Natur-Erscheinung, welche unter den Byzantinern bis in's vierzehnte Jahrhundert fort-dauerte, und nie wieder sich zeigen wird.

Die Literatur der Römer, welche mit Waffen und Gesetzen im Süd-Westen Europa's einen Kreislauf von Cultur beschrieben, war in Rom nur *nachgeahmte* griechische Cultur. Der Römer wählte sich die *höheren* Wissenschaften, und verarbeitete sie zu einer gröfseren Wirksamkeit. *Männlichkeit, Ernst*, wurde sonach der unterscheidende Charakter seiner literarischen Bildung.

Griechische und römische Cultur waren unter der Welt-Herrschaft der Quiriten ein Aggregat geworden, dessen National - Verschiedenheiten nie zu einem lebendigen Ganzen verschmolzen. Durch die Theilung des colossalischen Reiches in das West- und Oströmische erfolgte eine um so entschiednere Trennung, als griechische Cultur in Byzanz sich auf den Thron der Welt-Herrschaft neben ihre jüngere Schwester schwang, und eine neue, den veränderten Umständen angemessene, Periode beschrieb, indess die Cultur West-Rom's schon untergieng, und durch die Barbaren des Nord-Osten vernichtet wurde.

Die Römer hatten die cultivirte Welt in ein Ganzes vereinigt: die Barbaren zerstückelten sie, und legten den Grund zu

der europäischen Staaten-Republik, deren Geist ein Anderer als jener der Welt-Republik wurde. Europa schied sich nun in zwey grofse Familien, in die Neu-Lateinische und in die Germanische. Die Germanische führte die neuen Staaten an dem Gerüste des aus dem ursprünglichen Geleite hervorgegangenen Feudalismus auf, und Rom erneuerte seine Welt-Herrschaft im Pabstthume, und zwar sehr wohlthätig für die rohen Ritter des neuen West-Rom. Die Miliz der geistlichen Herrscherinn erhielt in dieser Nacht von Barbarey, wo aber auch Sumpflichter glänzten, die Reliquien der untergegangenen Cultur, bis ein deutscher Edelmann, Reichsbürger in Maynz, durch Erfindung einer Maschine sie ihrer Mühe überhob. Nur *eiserner* Geistes-Druck, so hart, so schwer wie das deutsche Beywort, wird das *Manuscript-Zeitalter* in die Cellen literarischer Coenobiten zurückführen.

In dem, was die Römer durch Nachahmung griechischer Muster und besonders in der Ausbildung ihrer Gesetzgeber-Sprache sich vorzugsweise aneigneten, und wo die Analogie ihres Geistes einsprach, übertrafen sie zum Theil, und wurden Original. Römische Cultur war also ein griechisches aber nationalisirtes Gewächs, und in dem Ganzen griechischer und römischer Literatur eine gewisse Uebereinstimmung der Sitten, der Religion und des politischen Geistes. Der neue Occident bietet das Widerspiel dar. Die klassische Literatur der Griechen und Römer war für denselben eine Antiquität, welche im vollsten Widerstreite mit der christlichen Umbildung stand. Der Geist der Erweckung und Bearbeitung dieser Antiquität, vorzüglich der Griechischen, durch Byzantische Flüchtlinge in Italien, war Philologie im strengsten Verstande, griechisches Feuer, am Per-

gamente angezündet, und der Charakter derselben größten Theils sklavische Nachahmung, bis die lateinischen Trümmer-Sprachen zu einer gewissen Bildung gediehen waren, und nach und nach National-Culturen, nach dem verschiedenen Geiste der Völker und Verfassungen, zum Vorschein kämen, indeß die germanische Familie, besonders die Deutsche, ihre Stamm-Sprache vernachlässigend, nur römische Literatur und Gesetz-Kunde vorzugsweise betrieb, und in dem männlichen Ernste der alten Welt-Bezwinger so lange sich wohlgefiel, Staats-Männer und Publicisten nur Ulpiane und Triboniane seyn wollten.

Es giebt also zwey Haupt-Literaturen des Occidents, die Neu-Lateinische und die Germanische mit ihren Unterabtheilungen, deren Palladium griechische und römische Classicität ist: aber keiner europäischen Familie ist griechische und römische Literatur Heiligthum in einem solchen Grade als der Germanischen, besonders der Deutschen, deren Stamm-Sprache, unterstützt von dem Wörter-Schatze ihrer Dialecte, an ihrer griechischen Schwester sich hinanbildet, und schon in Klopstocks Messias und dem Vossischen Homer den Triumph ihrer Sprache und Abkunft so wie die Bedingung weiterer Bildsamkeit gefeyert hat. Das Studium der unübertroffenen Muster der Einfalt und Erhabenheit ist Studium der Humanität, und die Philologie von ihren Priestern, von Nestor-Heyne und Wolf, in ein lebendiges Gebilde verwandelt worden.

Die erste und älteste Bevölkerungs- und Culturlinie Europa's ist beschrieben, und ihr verschiedener Geist dargestellt. Eine andere, welche wir die *Sarmatische* nennen wollen, ist die aus dem Nord-Osten Asiens über die Wolga nach dem Nord-Osten Europa's. Die Hauptvölker dieser Linie sind in drey

Stämme zu unterscheiden. Der Mongolische im äußersten Nord-Osten, eine von allen Stämmen ausgezeichnete Varietät, Gepräge einer südlichen Urwelt. Der rein-türkische oder türkisch-tatarische Stamm, ursprünglich ein Zweig der ersten Linie, der sich vom Süd-Osten des kaspischen Meeres in zwey Zuglinien, südlich und nördlich von demselben nach Europa ergoß, aber bey seiner nord-östlichen Ausdehnung eine starke mongolische Tinctur erlitt, aus welcher sich die verschiedenen Abarten des asiatischen Norden einzig erklären lassen.

Der Stamm der Sarmaten in engerer Bedeutung, medisch-skythischen Ursprunges, bildete sich im Nord-Osten in zahlreiche Zweige aus; ein Mittel-Geschlecht nach Herodot, Diodor, Plinius, Mela und Justin, mit einer Mittel-Sprache aber doch einer Stammsprache, deren Grundlage das Medische und die Zuthat skythisch ist.

Man hat behauptet, daß der frühere Zusammenhang der slavischen Sprachen mit der griechischen, lateinischen und deutschen unläugbar, und die ursprünglichen slavischen und germanischen Wurzel-Wörter die nämlichen seyen. Es fragt sich, ob der angegebene frühere Zusammenhang von einer gemeinschaftlichen Mutter als dem Sanscrit abzuleiten? Oder ob eine andere und spätere Verbindung statt gefunden? Was die älteste russische Sprache betrifft, so ist jetzt kaum mehr daran zu zweifeln, daß sie von der slavonischen verschieden war, wie sich aus dem ältesten geschriebenen Rechte der Russen, der Pravda Ruskaja, beweisen läßt. Das Vorherrschende dieser Sprache, das Warägische, verschmolz in der Folge wie der Herrscher selbst in die größere slavische Masse. Eben dadurch und

unabhängig von anderen Datis ist auch der *historische* Ursprung des rufsichen Staates unumstößlich bewiesen.

Das Rufsisch-Slavische Reich, in Europa gestiftet von Rurik und Oleg zwischen zwey Meeren am Leitfaden eines klassischen Strohmes, mußte mit türkischen Stämmen der nördlichen Linie im Osten, Süden und Westen kämpfen, welche es eben so schrecklich verheerten, wie Magyaren Deutschland. So wurde schon in seinem Ursprunge der neue Staat in seinem Bildungs-Gange gehemmt: nur in Grofs-Novgorod entwickelte sich der Warägischeslavische Geist einige Jahrhunderte hindurch auf die ihm eigenthümliche Weise in einem freyern Spielraume. Warum wurde die aus Backsteinen von griechischen Architecten am Donetz für Chazaren gebaute Burg Sarkel nicht ein Muster zur Anlage ummauerter Städte und vereinigter, zur Vertheidigung gerüsteter, Volksmassen? Warum trat nicht der Fall ein, welchen die Magyaren, ein türkischer Stamm der nämlichen Linie, in Deutschland veranlaßten? Die Theilung des Reiches bereitete in der Folge und vollendete das Schicksal desselben.

So wie der Staat mußte auch Sprache und Literatur mit ungünstigen Einflüssen und harten Schicksalen kämpfen. Schon unter Wladimir I. und Jaroslav I. hatte die Nation eine Gabe griechischer Cultur erhalten, und würde durch ungestörte Fortbildung wahrscheinlich späterhin die ganze literarische und Kunst-Cultur der Byzantiner in sich aufgenommen haben, wenn nicht die Munglen alle türkische Stämme unter ihr Schwerdt vereinigt, und in Rußland selbst alle Cultur auf mehrere Jahrhunderte vernichtet hätten. Aber auch nach der Vereinigung aller Theile zu einem Ganzen wurde Rußland durch innere Erschütterungen und an Vernichtung gränzende Ereignisse in der

Cultur aufgehalten. Selbst späterhin war es nur eine insularische Länder-Masse des Nord-Osten von Europa, abgeschnitten von zwey Meeren, welche der kühne Geist Peter's des Großen zu erreichen, und die occidentalische Cultur aufzufassen suchte, sie auch wirklich und zwar Germanische auffasste, und in seiner Schöpfung darstellte. Schon vor Ihm hatte sich ein Anfang von Bildung gezeigt: aber das Reich war zu weit hinter den zwey Haupt-Culturen Europa's zurück geblieben; es konnte also bey dem Andränge der Umstände von einem *poetischen* Zeitalter der rufsischen Nation nicht mehr die Rede seyn.

Man hat, aber mit Unrecht, gerügt, daß nur Ausländer, in eine Academie vereinigt, Literatur in Rußland betrieben haben: aber waren nicht Griechen Lehrmeister der Römer? War nicht eine Nation immer die Lehrmeisterinn einer Andern? Was Catharina die GroÙe begonnen, was Alexander kürzlich vollendet, berechtigt zu Erwartungen: aber eine große Frage, da nun einmal von *Nachahmung* die Rede ist, wie Russen jetzt nachahmen sollen?

Die Grundlage aller modernen Cultur ist griechische und römische Literatur. Diese muß sich die Nation aneignen, und in Uebersetzungen mit den klassischen Sprachen — ringen. Dies sey die geistige Gymnastik der Russen. Der Stamm der Griechen war das geistigste und doch das kriegsgeübteste Volk, und die Tactik ihrer Waffen die Tactik ihres Geistes. Durch kein anderes Mittel haben sich die abendländischen Sprachen, vorzüglich die Französische in prosaischer und die Deutsche in poetischer Rücksicht, gebildet. Wer kennt nicht Amyot's Plutarch, der in den Händen aller Franzosen ist? Wer nicht den Voss-Homer?

Da die zwey Haupt-Literaturen nur aus der Urquelle abgeleitet und verschieden modificirte Culturen sind, so folgt von selbst, daß weder die Literatur der Neu-Lateinischen Sprachen, und besonders die Französische, noch die Literatur der Germanischen, und besonders die Deutsche, ein Gegenstand unbedingter Nachahmung oder eines entschiedenen Vorzuges seyn dürfe. Der Geist beyder Literaturen ist, ungeachtet der gemeinschaftlichen Quelle, verschieden. Die Französische führt nebst dem Monarchismus conventioneller Regeln und Orakel-Sprüchen, dessen Thron die Hauptstadt ist, noch überdies die Anmaßung mit sich, die *Sprach-Herrschaft* in eine *Welt-Herrschaft* zu verwandeln. Es ist schon längst eine gewisse Analogie des Geistes zwischen einer südwestlichen Nation und den höheren Ständen einer Nordöstlichen bemerkt worden. Keine der neuern Nationen Europa's besitzt einen solchen Schliff der Gesellschaftlichkeit als die Südwestliche; bey keiner ist auch die Rührigkeit so groß; bey keiner die Reibung so anhaltend; daher auch bey keiner die *Abnützung* nach allen Richtungen und Verhältnissen so sichtbar und so folgenreich. Ein Gleiches findet sich nicht bey den germanischen, und selbst nicht bey den lateinischen Seiten-Schwestern, wo ein Gewicht von Stetigkeit, aber von verschiedenem, theils politischem, theils religiösem Charakter mit dem *Zeitgeiste* kämpfet. Der Geist der deutschen Literatur, so wie die Sprache selbst, ist Republikanismus und Natur wie bey den Hellenen, und die Auszeichnung derselben anerkannte Vielseitigkeit.

Obschon das Gesetz der occidentalischen Cultur Fortschreitung ist, so muß ihr doch die Gesetzgebung eines großen Reiches das *Princip einer gewissen Stetigkeit* unterlegen, und eben

dadurch der Verflüchtigung des National-Geistes durch fremden Geist entgegenarbeiten. Europa ist kein römisches Reich. Eigener Geist, aber Geist, ist das wichtigste Kleinod eines Volkes, und muß es auch des Russischen seyn, welches so ausgezeichnete Rechte hat, ein selbstständiges und großes Cultur-Volk zu seyn. Geist ist ein Rang, welchen die Nation und Jeder sich selbst giebt.

Es ist also den Universitäten des Reiches das große Geschäft aufgetragen, auf der Grundlage der klassischen Literatur der Griechen und Römer mit Beihülfe des Studiums der gebildetesten Sprachen und Literaturen Europa's die Aufführung des Gebäudes der National-Literatur durch eine harmonische Verbindung aller angegebenen Elemente zu befördern.

Reith.

N a c h s c h r i f t.

Bey dem Abdrucke dieser Rede (im Junius) erhielt ich durch freundschaftliche Mittheilung Adelung's Mithridates, Eichhorn's Geschichte der neuern Sprachkunde und Schlegel's Schrift über die Sprache und Weisheit der Indier. Die Resultate meiner *historischen Angaben*, in so weit sie in einer öffentlichen Rede ohne allen gelehrten Apparat und für den Zweck derselben dargelegt werden konnten, besonders über Geschlecht und Sprache der Stämme, welche das südöstliche Europa und Italien *zuerst* besetzten, werden durch die Sprach-Forschungen Adelung's und Eichhorn's bestätigt, wie man aus folgenden Stellen ihrer Werke ersehen wird.

„Die Germanen stammen so wie alle westlichen Völker aus Asien her, und man kann sie in das an Persien und Tibet unmittelbar gränzende *Mittel-Asien* setzen, *welches durch seine unstäten Horden Europa bevölkert hat*. Der German, der Slave, der Thracier, der Celte, u. s. w., können also mit dem Perser gleichzeitig aus einer und ebenderselben Sprachquelle geschöpft, und sich durch Zeit, Clima und Sitten wieder von ihm entfernt haben.“ Mithridates, t. I. S. 279.

„Von den uns bekannten Ländern des Caucasus, von Armenien und Georgien an, durch Medien, Persien und Bactriana bis in das vordere Indien herab, scheint eine und dieselbe Muttersprache in vielen Töchtern und Abkömmlingen seit Jahrtausenden gelebt zu haben und noch zu leben.

„Die Mutter nun, von welcher alle diese asiatischen Sprachen abstammen, und ihre erste Heimath ist ihrem Namen nach unbekannt. Man ist zwar beynahe gezwungen, auf das *mittlere Asien*, und zwar den westlichen Theil der sogenannten grossen Tatarey zu rathen, zumahl, da die innere Beschaffenheit der tatarischen Sprachen mit den Medisch-Indischen viele Verwandtschaft hat.“ Eichhorn's Geschichte der Litteratur, Fünfter Band, erste Abtheil. S. 193—197.

„Der eigentliche Sitz indischer Bildung und Sage ist in dem *nördlichen* Theile des Landes.

„Das alte indische *Sonskrito* hat die grösste Verwandtschaft mit der römischen und griechischen, so wie mit der germanischen und persischen Sprache. Die Aehnlichkeit liegt nicht blofs in einer grossen Anzahl von Wurzeln, die sie mit ihnen gemein hat, sondern sie erstreckt bis auf die innerste Structur und Grammatik. Die Uebereinstimmung ist also keine zufällige, die

sich aus Einmischung erklären liefse, sondern eine wesentliche, die auf gemeinschaftliche Abstammung deutet.“ Schlegel.

Ich habe die slavonische Sprache im Allgemeinen für *Medisch-Skythisch*, oder was einerley ist, für *Medisch-Indisch* erklärt.

„Das Zend und Pehlvi (medische Sprachen) sind sehr alte Sprachen und dem Sitze der ersten Sprachbildung nahe, können also wie das Sanscrit wohl unmittelbar, wo nicht von der ersten Sprache selbst, doch von einer ihrer ältesten Töchter abstammen.“ Adelung.

„Die älteste uns näher bekannt gewordene Tochter derselben (der einen und derselben Mutter- oder Ursprache, welche vom Caucasus bis nach Vorder-Indien lebte und noch lebt) ist Zend, weil sie unter ihren Schwestern am ersten zur Schriftsprache im nördlichen Medien — ausgebildet worden. Gleiches Alter behaupten mit ihr ihre Schwestern, Pehlvi in Nieder-Medien (oder Parthien) und Parsi in Fars (oder Parsis). — Jenen drey Schwestern kam Sanskrit, so lange es lebte, in Wurzelwörtern und ihren Abänderungen, in Wortformen und Grammatik so nahe, daß man sie für eine vierte Tochter, jener frühen, ohne Namen abgestorbenen, Mutter ansehen kann. Den Wohnsitz dieser Mutter können wir nicht in Indien suchen.

„Zend ist eine rauhe, vokalenreiche, noch unregelmäßige *Gebirgs-Sprache*, die höchst wahrscheinlich einst in dem nördlichen Medien als Volks- und Landessprache gesprochen worden. Ihre *Verwandtschaft* mit dem *Georgischen* hat Anquetil dargethan; ihre *große Uebereinstimmung* mit dem Sanskrit Paulinus a St. Bartholomaeo (Johann Philipp Wesdin aus Hoff an der Leitha, dem Gränzfluß zwischen Ungern und Oesterreich): sie

gehört daher zu den ältesten Sprachen, von denen man etwas schriftliches übrig hat.“ Eichhorn.

Abweichend erklärt sich Schlegel. „Mit der armenischen, den slavischen Sprachen und nächstdem mit der celtischen ist die Verwandtschaft des Indischen entweder gering oder steht doch in gar keinem Verhältniß zu der großen Uebereinstimmung mit jenen zuvorgenannten Sprachen, die wir aus ihr ableiten.“

Von einer Abhandlung des Professor Anton über die slavischen Sprachen, wenn ich nicht irre, und seinem Urtheile über dieselben, daß sie nämlich medisch-indischen Ursprunges seyen, ist mir so eben die Notiz zugekommen. Ich weiß also nicht, ob dieser mit orientalischen Sprachkenntnissen ausgerüstete Geschichtsforscher auf die Vocabulaires Zend, Pehlvi et Persan des Anquetil du Perron im zweiten Bande des Zend-Avesta Rücksicht genommen, und in Bezug auf slavonische Wurzeln das Zend untersucht hat.

Hier folgen einige unläugbar slavonische Wörter.

<i>Zend.</i>	<i>Francois.</i>
Eréthéhé.	Explication. Examen. Conférence.
(Erétheoûenô.)	(Dit.)
Eoroued.	Fort.
Eôkthé.	Il dit.
Bekhdre.	Printems.
Tchetveré.	Quatre.
Thretim.	Troisième.
Vetché, Vetchão.	Parler.
Vetcha.	Avec.

Pehlvi.

Zivad, Zived.

Il vit.

Persan.

Rouistan.

Croitre. sortir de terre.

Zemin.

Terre.

Boudan.

Etre.

Bouam.

Je suis.

Nist.

Il n'est pas.

Daridan.

Dechirer.

Nach Adelung ist das Slavische im Persischen eben so zahlreich als das Germanische.
